

INSPIRIA

ПЯТАЯ ЗИМА

КИТТИ ДЖОНСОН

INSPIRIA

Китти Джонсон

Пятая зима

Серия «Сурсаке. Новый год»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70095169
Пятая зима / Китти Джонсон ; [перевод с английского В. Гришечкина].: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197112-0

Аннотация

Пять зим. Две мечты. Одна история любви.

Идеальный роман, с которым надо встречать зиму. Эта книга – как тот самый фильм, который мы пересматриваем каждый год, чтобы вновь поверить в чудо, а светящийся снежный глиттер на обложке создаст атмосферу зимней сказки.

В детстве Бет потеряла родителей, поэтому ее воспитанием занималась тетя, а затем Ричард и Сильвия, близкие друзья семьи.

Бет рада оказаться в новом доме. Она давно дружит с Розой, дочерью Ричарда и Сильвии, а еще Бет безответно влюблена в Марку, старшего брата Розы.

Проходит время, и Бет получает приглашение на свадьбу Марка.

Так начинаются пять зим, в течение которых Бет сделает удивительные открытия о значении семьи, дружбы и любви.

«Замечательная история о поиске себя. И о любви, конечно же!» – Эмили Стоун

Содержание

Зима первая	8
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	65
Глава 6	80
Зима вторая	96
Глава 7	96
Глава 8	119
Глава 9	133
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Китти Джонсон

Пятая зима

*Посвящается памяти мамы, которая была
моей самой преданной читательницей*

Kitty Johnson

FIVE WINTERS

Copyright © 2023 by Margaret Johnson All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© AngieYeoh / Shutterstock.com Используется по лицензии

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Зима первая

Глава 1

Всем хорошо известно: если в одиннадцать лет, когда ты

плоскогруда и болезненно застенчива, тебя вдруг угораздит влюбиться в старшего брата лучшей подруги, он всегда будет смотреть на тебя как на ребенка.

Именно это случилось со мной. Я была влюблена в Марка сколько себя помнила, пока в конце концов не оказалась у него на свадьбе в шикарном отеле в Восточном Лондоне. В этот день моим надеждам пришел конец: отныне Марк официально переходил в разряд женатиков.

Марк, который носил свитера до тех пор, пока их шерсть, свалявшись, не покрывалась катышками.

Марк, который обожал делиться со мной интересными фактами из мира своей любимой математики: «А известно ли тебе, Бет, что если в каком-то помещении находятся двадцать три человека, вероятность того, что у двух из них совпадают дни рождения, составляет пятьдесят процентов?»

Марк, который унаследовал от отца доброту и чуткость, но, в отличие от него, не умел даже гвоздя забить, не треснув себе по пальцам молотком.

Марк, который...

И вот его охомутили. Оженили. Окольцевали.

Марк – женат.

Точка.

– Мне кажется, она вот-вот превратится в ледышку, – заметила Роза, глядя на свою новоиспеченную невестку.

– Ну, если в декабре вырядиться в платье без плеч и с открытой спиной, то тебе, конечно, будет несколько прохлад-

но, – ответила я.

На протяжении всего свадебного приема я буквально из кожи вон лезла, стараясь убедить весь мир, подругу и самого Марка в том, что со мной все в порядке и я нисколько не переживаю. Я даже старалась не особенно налегать на шампанское, хотя каждый раз, когда Грейс теснее прижималась к Марку, мне хотелось залпом осушить бокал и потребовать еще.

По правде сказать, Грейс вовсе не выглядела замерзшей, хотя портной, шивший ей подвенечное платье, явно сэкономил на ткани. Напротив, она буквально сияла – так ведь, кажется, говорят о невестах? Они сияют, лучатся, светятся внутренним светом и так далее. Можно подумать, что свадьба – это что-то вроде подключения к розетке, в которой течет квинтэссенция счастья.

– Нет, платье тут ни при чем, – небрежно сказала Роза, беря с подноса проходившего мимо официанта еще один бокал шампанского. – Я вообще не это имела в виду...

Я наострила уши. Моя подруга уже не впервые намекала, что относится к Грейс весьма сдержанно. Правда, Роза приходилось очень много ездить из-за ее новой работы, поэтому у нее просто не было возможности познакомиться с невестой брата как следует. Да и роман Марка и Грейс развивался слишком стремительно.

Интересно, подумала я, почему Роза ее недолюбливает? Почему Грейс не особенно нравится *мне*, я отлично понима-

ла: в конце концов, кто, как не она, увела у меня из-под носа мужчину, которого я любила и о котором грезила столько лет? Но если Розы тоже не в восторге от выбора брата, следовательно, у Грейс есть какие-то другие недостатки помимо того, который я считала самым существенным.

– Ты о чем? – спросила я.

Розы неопределенно повела плечами. Шампанского в ее бокале оставалось уже на доньшке, а ведь она только что его взяла! Впрочем, соревноваться с ней я не собиралась – я по опыту знала, что Розы всегда сумеет меня перепить.

– Ну, даже не знаю... просто у меня такое ощущение. А ты разве не заметила, что, даже когда она улыбается, ее глаза остаются холодными? Правда, нельзя исключать, что она немного стесняется или просто не привыкла к новой родне... что-то в этом роде.

Я, в свою очередь, пожала плечами и, повернув голову, стала смотреть на счастливых молодоженов. На моих глазах Грейс обвила руками шею Марка, и он слегка нагнулся, чтобы поцеловать ее в губы. Нет, было совсем не похоже, чтобы Грейс стеснялась. За прошедшие годы я видела Марка с самыми разными девчонками; порой эти отношения были достаточно продолжительными и заканчивались, когда кандидке в невесты становилось ясно, что жениться он не собирается, однако я еще никогда не видела, чтобы Марк был настолько очарован своей избранницей.

– Как ты думаешь, она сильно его любит? – спросила я.

Несмотря на то что мое сердце буквально обливалось кровью при одной мысли, что Марк принадлежит кому-то другому, я по-прежнему желала ему счастья и мне было бы горько думать, что чувства Грейс недостаточно горячи.

– О, да, конечно. И вообще, не слушай меня... Я уверена, что Грейс очень его любит. В конце концов, Марк не полный идиот. Как я уже сказала, возможно, все дело в том, что я недостаточно хорошо ее знаю. – Роза немного подумала. – Мне сказали, что Грейс очень любит свою бабушку, – добавила она. – А тот, кто любит свою бабушку, не может быть совершенно бесчувственным, не так ли?

– Да, конечно. – Я кивнула. В самом начале приема я видела, как Грейс обнимает и целует какую-то очень старую женщину. Вероятно, это и была та самая бабушка, о которой говорила Роза.

Тут я заметила, что к нам приближаются Ричард и Сильвия – родители Марка и Розы. Мелкие горошины на сером галстуке Ричарда были в точности того же цвета, что и платье Сильвии. На дворе стоял декабрь, банкетный зал отеля – в соответствии с рождественскими традициями – был украшен зеленою гирлянд и венками из остролиста, поэтому нарциссово-желтый наряд Сильвии казался не по сезону ярким. Серый костюм Ричарда был более строгим, однако сиявшая на его лице улыбка была почти по-весеннему солнечной – такой же, как и у его жены.

– Ну, мои милые, что скажете?! – воскликнула Сильвия,

заклячая меня и Розы в объятия. – По-моему, это просто великолепно! – Она взмахнула рукой, жестом указывая на шикарную обстановку, рождественские украшения, ломившийся от закусок шведский стол и, разумеется, на жениха и невесту.

– Да, мама. Конечно. – Розы поцеловала мать в щеку. – Грейс выглядит сегодня просто божественно!

Я промолчала. Сильвия выпустила меня из объятий, и я поймала на себе внимательный взгляд Ричарда. Я была уверена, что могу провести кого угодно, но только не его – инстинктивно я всегда знала, что Ричард отлично знает о чувствах, которые я питаю к его сыну, хотя мы, разумеется, никогда не обсуждали эту тему. Сказать по правде, для инженера-теплотехника Ричард на удивление тонко чувствовал эмоции близких людей. А может, и не только близких. Я никогда не видела его за работой, но знала – у него много постоянных клиентов, с которыми он работал на протяжении десятилетий. И объяснялось это не столько тем, что Ричард умел починить любой загапризничавший бойлер (хотя, по всеобщему мнению, руки у него были золотые), сколько тем, что он всегда был готов дать дельный совет или посочувствовать каждому, кто нуждался в утешении. Других таких, как Ричард, просто не было. Я его обожала.

– Все в порядке, Бет?.. – Ричард, в свою очередь, обнял меня, и я почувствовала исходящий от него легкий аромат одеколona и кондиционера для белья, к которому примеши-

вался запах свежего ветра и бутербродов с лососиной – запах домашнего уюта и тепла.

В ответ я крепко прижалась к его груди и на мгновение замерла.

Мы с Розы были подругами с тех пор, как нам исполнилось по четыре годика. В детстве мы были неразлучны. Я росла единственным ребенком. У Розы был Марк, но он был на три года старше, поэтому интересы у них не совпадали. Что касалось нас с Розы, то мы буквально не могли жить одна без другой. Мы ходили друг к другу в гости, заставляли наших матерей водить нас в парк на игровые площадки или устраивать нам пикники, хотя, если честно, у Сильвии и моей мамы было мало общего. Ричарда я в то время видела редко – как и мой отец, он много работал и поздно приходил домой. Узнать его как следует я смогла только после того, как погибли мои родители.

Мне было всего девять. Когда мамы и папы не стало, заботу обо мне вынуждена была взять на себя сестра отца – тетя Тильда. Прошло, однако, совсем немного времени, и Ричард с Сильвией стали для меня фактически приемными родителями. Каждый раз, когда тете Тильде нужно было работать или просто немного отдохнуть, они с удовольствием брали меня к себе, иногда – на несколько дней. Вскоре, сама того не заметив, я начала относиться к ним как к родным отцу и матери, а к Розы – как к сестре. Только Марка я так и не научилась считать братом, хотя в некотором смысле он им был.

– Ну, девочки, как дела? Есть у вас на работе симпатичные мальчики? – спросила Сильвия. – Я так и не решила, какое платье лучше надеть на свадьбу, поэтому купила три. Вдруг кому-то из вас приспичит в ближайшее время выско-чить замуж.

– Я работаю не с мальчиками, мама, а с мужчинами. Почти все они уже женаты, а кто не женат – тот придурок, так что спасибо, нет, – отрезала Роза, и Сильвия с надеждой повернулась ко мне.

– А как у тебя в клинике? Быть может, у вас появились новые сотрудники?

– На днях на работу выходит новый хирург. – Я улыбнулась, и Сильвия вопросительно приподняла брови.

– Ее зовут Фрида, и она из Швеции, – пояснила Роза.

– Ах вот как... – На лице Сильвии отразилось разочарование.

Некоторое время спустя Сильвия и Ричард двинулись дальше, а Роза наклонилась ко мне.

– По правде сказать, я кое-кого встретила, – сообщила она доверительным шепотом. – Только не говори маме. Пока еще ничего не ясно.

Эта новость была мне особенно приятна, поскольку отвлекла от мыслей о свадьбе Марка.

– Здорово! А кто он? Ну-ка, рассказывай!

– Его зовут Джорджио. Я познакомилась с ним в прошлом месяце, когда ездила на конференцию по организации сбы-

та. Он симпатичный, но между нами пока ничего нет – только секс. Очень хороший секс, впрочем. Я просто жду не дождусь, когда он сможет приехать сюда из Италии.

Я окинула подругу скептическим взглядом. В конце концов, я знала Розы достаточно хорошо.

– А ты точно в него не влюбилась? – спросила я. – Ну точно, втюрилась!.. Иначе бы ты не притворялась, будто это пустяки.

Розы отрицательно качнула головой.

– Ничего подобного. Хотя в перспективе...

– И он не женат?

– Нет, насколько я знаю. Слушай, Бет, не надо обо мне беспокоиться. Беспокойся лучше о себе, слышишь? Сколько времени прошло с тех пор, как ты в последний раз встречалась с мужчиной? Полтора года? Два?..

Марк и Грейс танцевали в центре зала, тесно прижавшись друг к другу.

– ...И забудь про моего брата. Выкинь его из головы! – добавила Розы приказным тоном. Впрочем, она тут же смягчила свои слова ласковым прикосновением к моему плечу.

Н-да, подумала я, похоже, мои актерские способности вряд ли принесут мне «Оскара». Во всяком случае, не в ближайшем будущем.

– Мне тридцать пять, а не тринадцать.

В ответ Розы только приподняла бровь.

– Как думаешь, Сильвия и Ричард очень расстроятся, если

в этом году я не приду к вам на Рождество? – спросила я, думая о том, что как раз к Рождеству Марк и Грейс должны вернуться из свадебного путешествия.

– Ты же знаешь маму, о таких вещах ее следует предупредить месяцев за десять. Конечно они расстроятся. И вообще, что у тебя за дела, если ты готова пропустить Рождество? Опять будешь дежурить в клинике, ухаживать за больными собаками?

Рози попала в точку. В праздники я действительно собиралась дежурить в хирургическом стационаре ветеринарной клиники, в которой работала, – присматривать за перенесшими операцию кошками и собаками, которые были еще слишком слабы, чтобы их можно было вернуть хозяевам. Очередь была не моя, но я планировала вызваться на эту работу добровольно. Своему боссу я пока ничего не говорила, но не сомневалась – он ухватится за мое предложение обеими руками.

– В общем, извини и все такое, – добавила Рози, – но тебе придется прийти. Иначе ты испортишь маме все праздники. Она очень огорчится, и это будет на твоей совести.

Она была права, конечно. Если я не приду на Рождество к приемным родителям, они очень расстроятся, да и мне самой будет неловко. Нельзя огорчать тех, кто сделал для тебя столько, сколько сделали для меня Сильвия и Ричард. Оставалось только надеяться, что я сумею справиться с собой и не буду слишком много думать о Марке и Грейс и об их ме-

довом месяце.

Хотелось бы только знать, как это у меня получится?

Некоторое время спустя Роза отправилась в туалет. Чувствуя себя одинокой и легко уязвимой, я машинально огляделась в поисках Марка. Наконец я его заметила: он разговаривал о чем-то с бабушкой Грейс. Пожилая женщина сидела в кресле, а Марк присел перед нею на корточки, так что их головы оказались почти на одном уровне. Судя по выражению его лица, Марк внимательно слушал, что она ему говорила. Эта черта его характера мне очень нравилась: с кем бы Марк ни беседовал, его собеседник ощущал себя центром вселенной. Вселенной Марка, если быть точной... Со стороны подобное пристальное внимание могло показаться чем-то нарочитым, искусственным, но я знала, что для Марка это естественно. Кроме того, от Розы я знала, что Грейс и ее бабушка очень близки. Это, впрочем, было не удивительно: некоторое время назад я познакомилась с родителями Грейс и они произвели на меня впечатление людей холодноватых и высокомерных.

Пока я смотрела, бабушка Грейс заговорила с кем-то еще, и Марк, тепло поцеловав старую леди в щеку, легко поднялся на ноги. Его взгляд скользнул в мою сторону, и я, сорвавшись с места, метнулась к шведскому столу. Увы, я сделала это слишком поспешно (можно было подумать, что я всю неделю не ела ничего питательнее салатов из зелени!), к тому же я полностью сосредоточилась на том, чтобы не встре-

титься взглядом с Марком. В результате я с размаху налетела на какого-то мужчину, который как раз отходил от стола с тарелкой.

– Господи, простите пожалуйста! – выдохнула я, с ужасом глядя на капустный салат (с майонезом!), который повис на лацкане его стильного пиджака.

– Ничего страшного, – отозвался мужчина. Учитывая обстоятельства (и майонез) его голос звучал на удивление любезно. Поставив тарелку на приставной столик, он достал бумажную салфетку и попытался счистить салат. – К счастью, это не самый лучший мой костюм.

Я подняла взгляд. Незнакомец – примерно моего возраста – выглядел довольно привлекательно. У него были вьющиеся светло-русые волосы и красивые карие глаза, в которых блестели веселые искорки. Казалось, инцидент с салатом его только забавляет.

– То есть, – медленно проговорила я, – вы решили, что эта свадьба не настолько важное событие, чтобы надеть лучший костюм?

Мужчина покачал головой.

– Свой лучший костюм я надевал в суд, когда разводился. И мне показалось, что на свадьбу надевать его не стоит.

– Ах вот как!

– Именно так. Простите, я не представился... – Он протянул мне руку. – Я – Джейми. Джейми Фолкнер.

– Бет Бейли. – Я пожала протянутую руку. – Еще раз из-

вините. Я задумалась и совсем не смотрела, куда иду.

Джейми пожал плечами.

– Не беспокойтесь, это ерунда. Вы со стороны жениха или невесты?

– Жениха. А вы?

– Меня пригласила Грейс. Когда-то мы вместе преподавали.

– Грейс преподавала?! – Как я ни старалась, в моем голосе все же прозвучали удивленные нотки.

– Недолго. Ей это не шло.

С этим я не могла не согласиться. Правда, до сегодняшнего дня я встречалась с Грейс всего несколько раз, однако представить ее в роли преподавательницы я не могла.

– А вы? Вам нравилось преподавать?

– На протяжении какого-то времени меня это вполне устраивало, но потом я решил сменить профессию и занялся реконструкцией старых домов. Кирпич и штукатурка приносят больше денег, чем Шекспир.

– Значит, вы преподавали английскую литературу?

Он кивнул.

– Да.

– А Грейс?

– Она читала курс управления бизнесом. Когда я организовывал свое предприятие, она мне очень помогла. А вы? Чем вы занимаетесь?

– В смысле, когда не бросаюсь на людей с тарелкой салата

в руках? Я медицинская сестра в ветеринарной клинике.

– Правда? Никогда бы не подумал!

Прищурившись, я окинула Джейми пристальным взглядом.

– Это еще почему? Потому что из моей сумочки не выглядывает полдюжины новорожденных щенят?

– Нет, не поэтому. Просто вы выглядите... более изысканно, чем, на мой взгляд, должна выглядеть ветеринарная сестра. – Он состроил уморительную гримасу. – Глупо звучит, не так ли? Увы, я давно отвык разговаривать с очаровательными женщинами. Простите, кажется, я снова сморозил ерунду.

Я пожалала плечами.

– Вы просто не в курсе... Ровно в полночь мое платье исчезнет, и я окажусь посреди зала в своей медицинской униформе и операционных перчатках.

Он рассмеялся:

– У вас замечательное чувство юмора, Бет.

Я могла бы объяснить ему, что обычно не пользуюсь косметикой и что только сегодня я вдруг ощутила настоятельную необходимость выглядеть как можно привлекательнее. А еще я могла бы добавить, что косметика – точно так же, как юмор и доброжелательность, – служит мне маской, защитной маскировкой. Но я этого не сказала. Вместо этого я улыбнулась Джейми как можно лучезарнее.

– Стараюсь... – Я показала на его отставленную тарелку. –

Послушайте, я вовсе не хочу мешать вам закусывать. В конце концов, вы едва не погибли из-за этого салата. Да и мне тоже пора съесть что-нибудь посущественнее.

Накладывая себе на тарелку различные закуски, я рискнула украдкой бросить взгляд на противоположный конец зала. Марк снова обнимался со своей Грейс, а значит, я была в относительной безопасности. Господи, если до конца приема я сумею не остаться с ним с глазу на глаз, со мной все будет в порядке.

Глава 2

Осознать, что я влюблена в Марка, мне помогла Донна Бейкер.

Повторюсь: мне тогда было одиннадцать, и я уже полгода училась в средней школе. Тетя Тильда как раз уехала по рабочим делам на несколько недель, и на это время я переселилась к родителям Розы.

Стояло холодное февральское утро накануне коротких каникул в середине триместра. Мы были в женской спортивной раздевалке, куда пришли после матча по хоккею с мячом. Я никогда не любила этот вид спорта. Находясь на площадке, я только и делала, что мысленно заклинала своих подруг по команде: «Не пасуйте мне! Только не мне!» К счастью, все девчонки знали, что толку от меня немного, поэтому мяч попадал ко мне крайне редко.

Если бы со мной в раздевалке была Розы, она бы предупредила меня о том, что Донна Бейкер направляется в мою сторону, – толкнула бы локтем или шепнула несколько слов на ухо. К сожалению, моей подруги рядом не оказалось – когда мы перешли в среднюю школу, нас распределили в параллельные классы. В общем, я ни о чем не подозревала. С трудом застегнув замерзшими пальцами школьную юбку, я подняла голову и увидела перед собой Донну.

У Донны была раздражающая привычка вставать перед

висевшим в раздевалке зеркалом и слегка подпрыгивать, отчего ее довольно большие груди тоже подскакивали и колыхались. Это обстоятельство заставляло нас – тех, кто в силу возраста еще не мог похвастаться сколько-нибудь значительным размером, – чувствовать себя ущемленными, к тому же визгливые и шумные подруги Донны пользовались каждым удобным случаем, чтобы эту ущемленность подчеркнуть. Казалось, эти девчонки вообще не интересуются ничем, кроме размеров собственного бюста и того, насколько можно подвернуть пояс форменной юбки, чтобы максимально обнажить ноги и в то же время не вынудить никого из педагогов пригласить виновницу на «разговор» или написать письмо родителям. К счастью, девчонки из шайки Донны не интересовались такими, как я. Для них я была чем-то вроде муравья, которого каждая из них готова была при необходимости раздавить каблуком туфли, которая лишь с большой натяжкой могла считаться соответствующей школьным требованиям.

И вот Донна стояла передо мной. Я смотрела на нее и чувствовала, как щеки горят огнем. Донна еще не успела открыть рот, а мои разум и тело уже реагировали. Никаких сомнений быть не могло: что бы она ни сказала, мне вряд ли будет приятно это услышать. Именно по этой причине слова Донны застали меня врасплох.

– Твой брат просто красавчик, – сказала она, широко, фальшиво улыбаясь.

Сначала я не поняла, кого она имеет в виду, и только спустя пару секунд до меня дошло, что речь идет о Марке.

– Он мне не брат, – ответила я.

По лицу Донны скользнуло какое-то странное выражение. Похожее выражение бывает у взрослых, когда им кажется, что ребенок им дерзит.

– Брат, сводный брат, почти брат... какая разница, – проговорила нараспев Донна, слегка поводя плечами. – В любом случае, он просто улетный, и я хочу, чтобы ты передала ему вот это...

Я так глубоко задумалась, пытаюсь разобраться, кем на самом деле приходится мне Марк, что не сразу заметила записку, которую Донна сжимала в руке, и опомнилась, только когда она протянула ее мне.

– И не забудь принести ответ.

«Банда» Донны была, как всегда, поблизости. Девчонки обступили меня полукругом, и одна из них сказала:

– И постарайся, чтобы ответ Донне понравился.

– Да, – кивнула Донна. – Не то пожалеешь. И не вздумай заглядывать в записку.

Я положила записку в карман. До конца уроков этот клочок бумажки жег меня, словно раскаленный уголь. Я совершенно не могла сосредоточиться на занятиях – даже на естественных науках, которые мне обычно нравились. Мысленно я представляла, как отдаю записку Марку, как он читает ее, низко склонив темноволосую голову, и как на его губах

расцветает счастливая улыбка. «Да, – говорит мне Марк. – Передай ей, что мой ответ – да. Она мне тоже очень нравится». После этого Донна становится его подружкой, и ее регулярно приглашают на чай. Ну а если паче чаяния ответ будет «нет», тогда Донна и ее шобла превратят мою жизнь в ад, который будет длиться, пока я не окончу школу.

– Ты записала домашнее задание, Бет? – спросил меня преподаватель биологии мистер Докинс, и я поспешила переключить свое внимание на происходящее в классе.

– Еще нет, сэр. Извините, сэр.

В тот день у Розы была тренировка по нетболу¹ (в отличие от меня, она подавала спортивные надежды), поэтому после занятий я отправилась домой к Ричарду и Сильвии одна. Всю дорогу я гадала, как бы мне половчее потерять записку и при этом избежать последствий. Увы, ничего путного мне в голову не приходило – разве что, думала я, земля внезапно развернется и поглотит меня вместе с моим школьным рюкзачком, куда я положила записку. Или семья Розы в одну ночь переедет на новое место жительства куда-нибудь в Коста-Брава² и возьмет меня с собой. Никакого другого выхода из создавшейся ситуации я не видела, а значит, мне все-таки придется отдать записку Марку и передать Донне его

¹ Нетбол – разновидность баскетбола для женщин. Популярен в Великобритании и некоторых других странах Содружества. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Коста-Брава – участок средиземноморского побережья на северо-востоке Каталонии в Испании.

ответ, каким бы он ни был.

Сильвия, благослови Бог ее душу, с первого взгляда поняла, что со мной что-то не так.

– Что случилось, Бет, милая? – спросила она. – В школе все в порядке?

В ответ я смогла только кивнуть.

– Марк дома? – спросила я.

– Да, только что вернулся. Он наверху, в своей комнате. Я приготовила ему горячий шоколад. Хочешь, налью тебе чашечку?

– Нет, спасибо.

Стараясь не обращать внимания на встревоженный взгляд Сильвии, я повернула к лестнице и стала подниматься на второй этаж, чувствуя, как с каждым шагом ноги словно наливаются свинцом. Из-за двери Марковой комнаты доносилась музыка, и я заколебалась, не зная, то ли мне постучаться, то ли просто взять и войти. В конце концов я все-таки постучала и стала ждать.

Марк открыл почти сразу. При виде меня его лицо озабоченно вытянулось.

– Бет? Как дела? Все в порядке?

Я не стала тратить время на болтовню и протянула ему записку.

– Вот. Донна Бейкер велела тебе передать.

Марк взял записку, но разворачивать не спешил.

– Донна Бейкер? Это та вульгарная девица, которая носит

короткие юбки и обтягивающие кофты?

Я кивнула, а Марк уже разворачивал записку. С трудом сохраняя на лице нейтральное выражение, я смотрела, как он читает послание Донны. Чувствуя, как холодеет сердце, я ждала, что он вот-вот улыбнется, как я себе и воображала, но не дождалась.

– Она... Донна сказала, чтобы я принесла ей ответ, – проговорила я, запинаясь.

Марк пристально посмотрел на меня. Именно тогда, в этот самый момент, я поняла, что Донна права. Марк действительно был улетным, если «улетный» означало – «привлекательный». Он был *очень* привлекательным и даже просто красивым. Только теперь я заметила, что за последние полгода Марк очень изменился. Его лицо утратило миловидную ребяческую припухлость, скулы обозначились резче, а на подбородке проступила мужественная ямочка. Марк давно входил в сборную школы по плаванию. Он был высоким и широкоплечим, а глаза у него были цвета мха на садовой стене. С такой внешностью он мог бы посоперничать с любым знаменитым актером или поп-певцом. Я больше не могла относиться к нему как к брату. Да и с чего бы? Ведь он в конце концов им и не был! Не был! Если бы у меня был брат, он, скорее всего, был бы синеглазым, с золотисто-каштановой шевелюрой, как у меня. А еще он не был бы таким высоким, поскольку мои родители были среднего роста.

– Завтра в школе я сам отвечу Донне, – сказал Марк, успо-

каивающим жестом опуская руку мне на плечо. – Не переживай, все будет о'кей.

На следующее утро Марк специально дождался нас с Розой, чтобы идти в школу вместе. По дороге ни он, ни я почти не разговаривали, и только Роза трещала без остановки – уже не помню, о чем. Как бы там ни было, оттого, что Марк был рядом, я чувствовала себя совершенно спокойно, хотя мне и хотелось узнать, что именно он собирается сказать Донне.

Когда мы добрались до школьной игровой площадки, Донна и ее шайка были уже там – поджидали меня.

– Что им нужно? – спросила Роза, заметив, что я машинально замедлила шаг. Впрочем, Марк уже шагнул к Донне, и я последовала за ним, хотя и без особой охоты.

– Привет, Донна! – поздоровался Марк. Его голос звучал совершенно обычно, как всегда, и я снова спросила себя, что же он ей скажет.

– П-привет, – пробормотала Донна в ответ. Я бросила на нее взгляд, и увидела, что она нервничает. Донна! Нервничает! Похоже, ей тоже было не чуждо ничто человеческое.

– Спасибо за твою записку, – продолжил Марк как ни в чем не бывало. – Я был очень польщен, когда ее прочитал. К сожалению, в настоящий момент я не ищу подружку. У меня просто нет на это времени – учеба, тренировки по плаванию, да и других дел хватает, но я обещаю: как только ситуация изменится, я сразу же дам тебе знать, хорошо? Главное, чтобы ты пока не обижала моих сестер, иначе...

Донна надулась и бросила угрожающий взгляд в мою сторону.

– Бет сказала – она тебе не сестра!

Марк пожал плечами:

– Возможно, мы действительно не биологические родственники, – сказал он. – Но во всех остальных смыслах Бет моя сестра, понятно?

Он посмотрел на меня и ободряюще улыбнулся. Именно тогда, в эту самую секунду, и установилось то невыносимое *status quo*, которое я столько лет тщетно пыталась изменить. Именно в этот момент я раз и навсегда стала Бет, младшей сестрой, и именно так Марк относился ко мне все последующие годы. И неважно, как я сама к этому относилась.

Глава 3

Наполнив тарелку едой, я собиралась снова подойти к Джейми, когда мимо меня стремительно пронеслись две малолетние племянницы Грейс. Одна толкнула меня слева, другая задела справа, и я лишь чудом не выронила тарелку. В самом начале приема Грейс вручила каждой по одноразовой фотокамере, назначив их «официальными свадебными фотографами». К сожалению, эта тактика, призванная смирить буйный нрав девочек, работала только первые пятнадцать минут. Теперь же фотоаппараты были куда-то заброшены (вероятно, переданы на хранение измученным родителям), а сами племянницы пустились во все тяжкие. Я, впрочем, не могла не улыбнуться – было просто поразительно, какое удовольствие девочки извлекают из самого заурядного «взрослого» мероприятия. Чего-чего, а энергии им было не занимать.

Моя улыбка, однако, довольно быстро погасла, вытесненная приступом тоски или, лучше сказать, хронической неудовлетворенности жизнью. Уже много лет – почти столько же, сколько я грезилась о Марке, – я мечтала о собственной семье, о детях. Впрочем, вру: впервые я стала задумываться об этих вещах, когда мне было года двадцать три – двадцать четыре. Сейчас мне исполнилось тридцать пять, и мои биологические часики тикали так громко, что я слышала их

буквально наяву.

– Что ты так на них уставилась? – сказала Роза, снова подходя ко мне.

Она, разумеется, имела в виду вовсе не горку волованов³ и других закусок у меня на тарелке. Пришлось сказать правду.

– Они очень милые, – пробормотала я.

Роза бесстрастным взглядом смерила племянниц невестки, которые шушукались в углу, несомненно затевая очередную проказу.

– Смотря на чей вкус. – Она быстро обняла меня за плечи и сразу выпустила. – Ладно, не обращай внимания. Я уверена, очень скоро ты найдешь себе кого-то, кто подарит тебе ребенка, возможно, даже не одного, – добавила Роза. – Кстати, что у тебя с тем парнем, с которым ты только что трепалась? Есть какие-то перспективы?

– С кем? С Джейми? – Я покосилась на своего нового знакомого. Джейми стоял неподалеку от нас, и хотя как раз в этот момент он смотрел в сторону, на его лице я разглядела выражение затаенного страдания. По-видимому, помимо раздела имущества и прочих проблем его развод включал в себя весьма непростые вопросы опеки над общими детьми. Бедолага!

Жалея Джейми, я так увлеклась, что не заметила, как Марк двинулся к нам. Когда же я его наконец увидела, бежать было уже поздно.

³ Волован – слоеный пирожок с мясом, рыбой и др.

– Привет, братец! – Роза чмокнула Марка в щеку. – Как тебе женатая жизнь?

В ответ Марк ухмыльнулся и тоже поцеловал сестру.

– Пока отлично. Рекомендую.

Настала моя очередь обнять и поцеловать новоиспеченного мужа.

– Поздравляю, Марк! – сказала я, от души надеясь, что он не заметит, насколько фальшиво звучит в моем голосе радость. В конце концов, он же молодожен и должен быть вне себя от счастья, а счастье – самая эгоистичная из всех эмоций.

Марк улыбнулся мне.

– Спасибо, Бет. Отличный прием, правда? Я очень рад, что мы отказались от традиционного застолья. Гораздо лучше, когда гости могут свободно общаться друг с другом... А-а, привет, Джейми! Ты уже познакомился с моей сестрой Розой и ее подругой Бет?

Мой товарищ по несчастью, коллега-страдалец и прочее, поспешил придать лицу подобающее случаю выражение.

– С Бет я уже познакомился, а вот с Розой пока нет. Очень приятно, – проговорил он, подходя к нам. Пожимая его протянутую руку, Роза смерила Джейми откровенно оценивающим взглядом. Интересно, могла бы она заинтересоваться им, если бы у нее не было Джорджио? Не исключено. Впрочем, я была уверена: моя подруга очень быстро дала бы задний ход, если бы узнала, что у Джейми есть дети от первого

брака. В отличие от меня, Роза принципиально не хотела рожать, поэтому я сомневалась, что ее прельстит перспектива стать мачехой.

– Джейми – застройщик, он специализируется на реновации старых домов, – сказал Марк. – Когда-нибудь, – добавил он, – я попрошу тебя построить что-нибудь особенное для нас с Грейс.

– С удовольствием, – отозвался Джейми. – Но сначала тебе придется убедить Грейс расстаться с ее нынешней квартирой. Она очень ее любит.

– Ну, это меня не удивляет, – кивнул Марк. – Из окон ее квартиры открывается потрясающий вид на город.

– Ну, хватит! – вмешалась Роза. – Вы где? На свадьбе или на конференции риелторов?

Я представила себе уютную квартирку Марка, которая находилась на расстоянии вытянутой руки от футбольного стадиона. Странно было подумать, что я больше никогда не буду сидеть там субботними вечерами с ним и с Розой и слушать, как стены буквально сотрясаются от рева болельщиков, который раздавался каждый раз, когда местная команда забивала гол.

– Все, все, молчим, – добродушно согласился Марк. – Да и вообще, оркестр уже отдохнул, так что мне лучше поскорее найти невесту, чтобы пригласить на новый танец.

И он отошел. Глядя ему вслед, Роза только покачала головой.

– Неужели это тот самый парень, который изрисовал фломастерами мою любимую куклу Барби? – проговорила она в пространство.

– Когда это было? – заинтересовался Джейми.

Рози ухмыльнулась.

– Примерно год назад!

Я с упреком взглянула на нее и пояснила для Джейми:

– Марку тогда было лет восемь.

Рози только хмыкнула, словно между восемью и тридцати восемью годами не было никакой разницы, потом перевесила сумочку с одного плеча на другое.

– Ну ладно, мне нужно позвонить. Еще увидимся.

Мы с Джейми снова остались вдвоем. Оркестр на эстраде заиграл что-то громкое, навязчиво-торжественное и оптимистичное, и я невольно поморщилась. Отчего-то мне было невыносимо слышать эти бравурные мелодии. Я даже отставила в сторону тарелку с недоеденными волованами.

– Слушай, – обратилась я к Джейми, как-то незаметно переходя на «ты», – как насчет того, чтобы найти уютный, тихий бар и пропустить по стаканчику?

На лице Джейми отразилось что-то вроде облегчения.

– Я только «за».

Мы покинули зал и спустились в бар отеля. Там я взяла джин с тоником, Джейми ограничился безалкогольным пивом.

– Я за рулем, – пояснил он. – Живу в Кембриджшире, и

сегодня мне нужно туда вернуться. Завтра ко мне приезжают дочери.

Значит, я угадала!

– Сколько им?

– Эмили семь, а Оливии – пять.

– У тебя есть фото?

Джейми улыбнулся и достал из кармана телефон.

– Ты определенно знаешь, как проложить дорожку к мужскому сердцу, – заметил он.

Включив телефон, Джейми продемонстрировал мне несколько снимков двух девчушек, которые старательно улыбались в объектив. У младшей Оливии не хватало двух передних зубов.

– Они очаровательны, – сказала я от души, возвращая ему телефон.

Прежде чем убрать его обратно в карман, Джейми еще некоторое время глядел на последний снимок на экране.

– В жизни они даже лучше, чем на фото. По крайней мере – большую часть времени. Все дети бывают невыносимы, но Оливия и Эмили устраивают меня такими, какие они есть. К сожалению, в этом году я с ними не увижусь – они будут встречать Рождество у своей матери, у Гарриет. Мы с ней договорились, что на праздник девочки станут гостить у нас по очереди. Да, я знаю, что в будущем году они приедут ко мне, но... честно говоря, я не представляю, как я переживу это Рождество без них.

Я не знала, что ему сказать. Да и что тут можно было сказать? Я и сама не ожидала от грядущего Рождества ничего хорошего, хотя и по совершенно другим причинам, поэтому я ограничилась тем, что взяла его за руку и несильно пожала.

Джейми сплел свои пальцы с моими. Свободной рукой он поглубже затолкал телефон в карман пиджака.

– Да, невеселый я собеседник! – заметил он с горечью.

– Ты не считаешь нужным скрывать свои чувства. Это хорошо.

– Ты правда так думаешь?

– Честное благородное слово!

– Знаешь, ты мне нравишься.

Я улыбнулась.

– Ты мне тоже.

И, прежде чем около одиннадцати часов вечера Джейми отбыл в свой Кембриджшир, мы успели обменяться телефонами и договорились – если получится – встретиться еще до Рождества. Кроме того, Джейми совершенно неожиданно предложил мне провести праздник вместе.

– Если только у тебя нет каких-то других планов, – спохватился он. – Но у тебя наверняка есть чем заняться. Боже, я – идиот!

– Да, у меня есть планы, – сказала я. – Так что извини.

– Это ты меня извини. В конце концов, мы и знакомы-то всего четверть часа.

– Это были очень приятные четверть часа. – Я снова улыб-

нулась, и Джейми кивнул.

– Я тоже так считаю. Теперь я рад, что пришел на свадьбу Грейс, хотя поначалу долго колебался.

– Я тоже рада, что ты пришел, – сказала я искренне. Знакомство с Джейми сделало сегодняшний вечер вполне терпимым.

Потом Джейми ушел, и я подумала, что мне тоже пора исчезнуть. Я боялась, что, если задержусь, маска, которую я на себя нацепила, может в конце концов соскользнуть. С другой стороны, если у тебя есть приемные родители, которые любят тебя как родную, ты не можешь просто взять и исчезнуть, не попрощавшись. Нужно обнять и перецеловать всех твоих родственников и пообещать им позвонить в самое ближайшее время. И не важно, что один из этих родственников – тот самый мужчина, которого ты старательно избегала на протяжении последних нескольких часов.

Как я и ожидала, Марк сказал:

– Ну куда же ты уходишь?! Я ведь так и не поговорил с тобой толком. – Он обнял меня за плечи. – Как дела на работе?

Язык у него слегка заплетался – должно быть, он выпил чуть больше обычного. Я же, напротив, была трезва, как стеклышко, хотя, если честно, никакой моей заслуги в этом не было. Все дело было в Джейми, которому нужно было вести машину. А поскольку он не пил, я тоже выпила гораздо меньше, чем могла и хотела.

Марк обнимал меня довольно часто, и я научилась не по-

казывать, как сильно действует на меня его близость. Не скажу, что это было легко, но обычно я как-то справлялась. Справилась я и на этот раз – похоже, притворство в подобных ситуациях стало моей второй натурой.

– Ты действительно хочешь, чтобы в день твоей свадьбы я подробно рассказала тебе и всем гостям о большой лапке Сути и воспалении анальных желез у Снупи?

– Пожалуй, нет, не хочу. Ты права. И все равно, я люблю слушать, когда ты рассказываешь о своей работе. Ты делаешь большое, важное дело, и не только потому, что лечишь животных. Ты не только избавляешь от болезней разных милых домашних зверьков, но и помогаешь их хозяевам – благодаря тебе они могут жить спокойной и счастливой жизнью. Ведь правда, папа? – Марк повернулся к Ричарду, который как раз подошел к нам с бокалом в руке.

Ричард улыбнулся.

– Правда, сын.

– Вот видишь! – подхватил Марк с воодушевлением. – Твоя работа гораздо важнее, чем моя.

– Ну, по правде сказать, я думаю, что без бухгалтеров люди бы просто пропали.

– Не совсем так... – Он погрозил мне пальцем. – Жить без бухгалтеров людям было бы просто неудобно, но, если бы они вдруг исчезли, никто бы особенно не расстроился. А вот если бы исчезли ветеринары, к кому бы они пошли, чтобы вылечить свою любимую кошку или собаку? Так что, как ви-

дишь, между твоей работой и моей существует огромнейшая разница... Кстати, что там с ногой у этого... как его? Сути?

– Перелом.

– Какой ужас! Как это произошло?

– Ему прищемило лапку колесом.

– Его сбила машина?

– Вовсе нет. Сути – это черный сирийский хомячок, а колесо – у него в клетке.

Марк улыбнулся:

– Извини. В этом, разумеется, нет ничего смешного.

– Абсолютно ничего. – Я постаралась, чтобы мои слова прозвучали как можно строже.

– И как ты его лечишь? Ты наложила ему гипсовую повязку и теперь он ходит на костылях?

Я покачала головой.

– К сожалению, мы мало что можем для него сделать. Мы прописали Сути болеутоляющие и посоветовали хозяевам за ним присматривать.

– Вы боитесь, что у него может начаться что-то вроде лихорадки? Но как может человек измерить хомяку температуру в домашних условиях, если он не специалист?

Ответа на этот вопрос я и сама не знала.

– Никак, но дело не в температуре. За Сути надо следить, чтобы он не отгрыз себе больную лапу.

Марк невольно вздрогнул, и на лице его появилось страдальческое выражение.

– А он может? – спросил он. – В смысле – откусить себе лапу?

Я кивнула.

– Для грызунов это обычное явление. Они часто отгрызают себе поврежденные конечности.

Марк содрогнулся.

– Какой кошмар!

Пока мы разговаривали, к нам присоединились и Розы с Грейс, причем последняя поспешила жестом собственностицы обнять Марка за талию.

– О каком кошмаре вы говорите? – спросила Розы.

– Мы с Бет как раз обсуждали вопрос, велика ли вероятность того, что охромевший хомячок попытается отгрызть себе больную лапу, – обстоятельно ответил Марк.

Грейс нахмурилась.

– Я надеюсь, дорогой, что день нашей свадьбы не будет ассоциироваться у тебя с подобными... серьезными проблемами, – сказала она.

– Разумеется не будет, – согласился Марк, смачно целуя Грейс в губы.

– Вам двоим надо бы снять здесь номер, – заметила Розы.

– Уже сняли, сестренка. Специальный номер для молодоженов. А потом – в Париж, на весь медовый месяц.

Я поняла, что мне лучше поскорее уйти.

– Послушайте, мне действительно пора, – сказала я, стараясь не обращать внимания на то, что Розы нахмурилась. –

Желаю счастливого медового месяца. Передайте там Парижу от меня привет.

Марк наклонился и поцеловал меня в щеку, я поцеловала его в ответ.

– Обязательно, – пообещал он. – Ну, увидимся на Рождество.

Грейс тоже подставила щеку.

– До свидания, Бет. Спасибо за подарок.

Я очень сомневалась, что Грейс понравится набор кофейных чашек с изображениями собак, который я купила у знакомого гончара-любителя. В лучшем случае, думала я, им воспользуются один или два раза, после чего он в течение нескольких лет будет прозябать где-нибудь на дальней полке буфета, пока его не отправят в благотворительный магазин. Да, похоже, я сделала глупость, но ничего более подходящего мне просто не пришло в голову.

– Пока, зануда! – попрощалась со мной Роза. – Вечно ты сваливаешь, когда веселье в самом разгаре.

Ричард и Сильвия тем временем куда-то отошли, а я вдруг почувствовала, что не в силах простаться еще и с ними.

– Слушай, – сказала я подруге, – извинись за меня перед родителями, ладно? Скажи, что у меня голова разболелась.

Услышав эти слова, Марк озабоченно нахмурился.

– Ты доберешься домой? Может вызвать тебе такси?

– Конечно доберусь, – ответила я. – Со мной все будет хорошо.

В том, что я сумею доехать до дома, у меня сомнений не было, но вот насчет всей остальной жизни... Что ж, придется постараться, чтобы сделать ее как можно более благополучной.

Несмотря на то что головная боль была мною полностью выдумана, оказаться дома было приятно. Я любила свою небольшую квартирку, любила возвращаться в нее как в тихую гавань, где мне не грозили никакие невзгоды и волнения. Когда мои родители погибли, они были еще сравнительно молоды, однако кое-какие деньги скопить успели. После их смерти все эти средства попали в трастовый фонд, и в двадцать один год я в полном соответствии с законом унаследовала довольно круглую сумму. Родительских денег мне хватило на то, чтобы внести залог за небольшую квартиру с двумя спальнями в викторианском доме на две семьи с террасой в Восточном Лондоне. С тех пор там я и жила. Главным достоинством моей квартиры была просторная комната, служившая мне кухней, столовой и гостиной, но куда больше мне нравился небольшой сад, куда можно было попасть через вторую дверь. Обычно под словом «сад» в Лондоне подразумевают просто задний двор, залитый бетоном и заставленный мусорными контейнерами, но мой сад был не таким. Он был настоящим. Посреди него рос раскидистый высокий платан, под которым я разбила несколько цветочных клумб. В густых кустах по периметру шныряли ежи и лисички. Летом мой сад наполнялся ароматом примул, ландышей

и душистого горошка, а зимой голые ветки платана красиво чернели на фоне неба, словно нарисованные пером. В любое время года в саду было на что взглянуть. Это был мой оазис, мое убежище, место, где можно было просто посидеть на скамейке, ни о чем не думая, успокоить нервы или просто перевести дух. Уход за растениями и дикими животными, которых я подкармливала, помогали мне сохранять душевное равновесие при любых обстоятельствах.

В общем, не было ничего удивительного в том, что, едва вернувшись домой со свадебного приема, я не раздеваясь прошла через заднюю дверь в сад. Сидеть было слишком холодно, поэтому я стояла на дорожке, переступая с ноги на ногу, чтобы согреться, и расплескивала кофе из чашки. Час был довольно поздний, поэтому от кофе разумнее было бы воздержаться, но я решила, что выпитый мною на приеме алкоголь уравновесит кофеин – или наоборот. Откуда-то издалека до моего слуха доносились обрывки музыки, игравшей по соседству, изредка за забором шумел проезжающий автомобиль, да на ветру скреблись друг о друга ветви платана. Закрыв глаза, я ловила эти звуки и, стараясь дышать как можно глубже, пыталась убедить себя в том, что очень рада за Марка, но по моим щекам текли горячие слезы.

Наконец я решила, что должна взять себя в руки. Ничего исправить уже нельзя, а значит, я должна успокоиться и жить дальше. Строго говоря, мне следовало сделать это давно, но теперь у меня не было другого выхода. Если бы я спохвати-

лась раньше, сейчас, скорее всего, состояла бы в законном браке и воспитывала предписанных статистикой двух-четырех детей, но...

Отступив немного назад, я прислонилась спиной к двери. Перед моим мысленным взором одна за другой вставали картины сегодняшнего дня. То, как была организована свадебная церемония, мне не очень понравилось. Несмотря на то что Грейс предпочла «шведский стол» традиционному ужину в ресторане, прием получился все же чересчур официальным. На ее месте я бы постаралась убедить Марка, что нам вовсе не нужны взятые на прокат смокинги и затейливые шляпки – равно как и скучные поздравления, речи, фотографии и арендованные автомобили. Сама я предпочла бы выходить замуж за Марка где-нибудь на лугу, среди травы и полевых цветов, или на вершине горы, или в дремучем лесу. Уж я бы придумала – где и как. Главное, чтобы вокруг была дикая, нетронутая природа и мы с ним были только вдвоем. В качестве свидетелей мы взяли бы совершенно незнакомых людей. В общем, либо так, либо в районном регистрационном бюро – с пивом и бутербродами для ближайших друзей, когда формальности останутся позади. Я бы не стала, как Грейс, заставлять Марка неделями учить наизусть брачные обеты, которые полагается давать у алтаря (в том, что она именно так и поступила, у меня сомнений не было). Я была бы счастлива услышать то, что он сам захотел бы сказать мне в день нашей свадьбы. Сама я просто сказала бы

Марку, что я люблю его и что отныне я – часть его, а он – часть меня.

Вот только Марк так и не стал частью меня и уже никогда не станет. И я не стала его частицей. Во всяком случае, не в том смысле, в каком бы мне хотелось.

На вершине платана закричала неясыть, и я, вытерев глаза, некоторое время прислушивалась к знакомым звукам. Эта птица часто прилетала в мой сад осенью и зимой, так что я уже начала считать ее своей близкой подругой, которая знает, чувствует, как одиноко и тоскливо мне иногда бывает.

Постепенно мои мысли переключились на наш разговор с Джейми. Не стану скрывать, он произвел на меня впечатление человека приятного и искреннего. Иными словами, он мне понравился. Разговаривать с ним было интересно и забавно. Мне даже показалось, что Джейми принадлежит к тому редкому типу мужчин, которые способны думать не только о себе, но и об окружающих. Взять хотя бы то, как он говорил о дочерях – о том, как сильно хочется ему видеть их как можно чаще. Как бы там ни было, именно благодаря Джейми я смогла взять себя в руки и пережить свадьбу Марка.

Потом я подумала – раз уж мне все равно придется найти себе кого-то, кто поможет мне навсегда забыть Марка, то почему бы мне не остановить свой выбор на Джейми? На приеме мы обменялись телефонами, и я была почти уверена, что он позвонит. А если не позвонит, тогда, быть может, я позвоню ему сама.

Глава 4

Но утром мне позвонил не Джейми, а Ричард.

– Привет, дорогая, я тебя не разбудил? Ну и хорошо. Знаешь, я тут собрал из лишних досок что-то вроде стеллажа на стенку. Мне кажется, на нем будут очень неплохо смотреться твои вазы, кувшины и прочее. Впрочем, тебе решать. Ты не против, если я завезу его к тебе, чтобы ты могла на него взглянуть?

– Это очень мило с твоей стороны, Ричард, – сказала я, с трудом продирая глаза. – Но... разве тебе не хочется как следует отдохнуть после вчерашнего банкета? Разве не приятнее просто полежать перед телевизором вместо того, чтобы тащиться ко мне в Долстон?

– Ты же знаешь – я терпеть не могу безделья, – заявил Ричард. – Кроме того, Долстон не так уж далеко, да и мне не мешает немного проветриться. Сильвия сегодня отдыхает – между нами говоря, она вчера немного перебрала, и мне не хочется лишний раз мозолить ей глаза.

Я улыбнулась.

– Ну, в таком случае я буду рада тебя видеть.

Когда примерно через час Ричард постучал в мою дверь, я сразу поняла, что стеллаж, представлявший собой сложную конструкцию из нескольких кубических полок или блоков, вовсе не был сколочен за пять минут из лишних досок.

Во-первых, стеллаж был очень красивым, я бы даже сказала – стильным, а во-вторых, он был собран из соединенных «в шип» сосновых планок, тщательно отшлифованных и покрытых тонким слоем бесцветного лака.

Я поцеловала Ричард в щеку.

– Какая красота! Ну, входи же скорее. Помочь тебе внести эту штуку?

– Ну что ты, я сам.

Я отступила в сторону и придержала дверь, пока Ричард протискивался со стеллажом в гостиную-столовую. Там он остановился у большого дубового стола, который я купила на аукционе антикварной мебели.

– Ты, конечно, не обязана соглашаться, – сказал Ричард, – но мне кажется, что стеллаж будет очень хорошо смотреться вот на этой стене. Насколько я помню, у тебя очень много интересных мелочей, сувениров. Я подумал, может, они неплохо будут смотреться на полках.

– Мне очень нравится твой стеллаж, Ричард, – сказала я совершенно искренне. – Но... ты не должен был... Я хочу сказать – сделать такую вещь не просто. Для этого надо было потрудиться не один день!

– Ты же знаешь, я люблю работать с деревом. Это мое хобби, которое не дает мне слишком надоедать Сильвии. Считай это моим рождественским подарком, договорились? А теперь, давай я повешу эту штуку на стену, а ты пока сварь мне чашечку твоего великолепного кофе. Дай только

возьму из машины инструменты.

И полчаса не прошло, а мы с Ричардом уже сидели бок о бок на диванчике и, держа чашки с горячим кофе, любовались висящим на стене стеллажом. Его полки-отделения из светлой сосны казались очень легкими, почти невесомыми, а поскольку задней стенки у стеллажа не было, сквозь них эффектно проглядывали мои нефритовые обои.

– Выглядит даже лучше, чем я предполагал, – удовлетворенно сказал Ричард, прихлебывая кофе.

– Он великолепен. Еще раз огромное тебе спасибо. – Других слов у меня просто не было. Ричард прекрасно знал, как сильно я его люблю и как благодарна ему за все, что он для меня сделал.

– Как твой бойлер? Больше не капризничает?

– Конечно нет! Ведь его чинил лучший в мире инженер!

– Вот и отлично. Думаю, он тебе понадобится – насколько я знаю, нас ждет довольно холодная зима.

– Да, я тоже слышала прогноз. Надеюсь, в Париже погода будет потеплее.

Ричард ничего не ответил – только взял меня за руку и несильно пожал.

Я, в свою очередь, тоже сжала его твердые, сухие пальцы, невольно подумав о родном отце. С годами мне становилось все труднее вспоминать, как он выглядел, как держался, как звучал его голос. Интересно, были бы мы с ним так же близки, как с Ричардом, если бы он остался жив? Мне хотелось

на это надеяться.

Ричард порой поражал меня своей почти сверхъестественной способностью читать мои мысли. Вот и сейчас он тихо сказал:

– Твои родители очень бы тобою гордились.

Но я почему-то была в этом не совсем уверена.

– Ты думаешь? А вот мне иногда кажется, что если бы мама была хоть немного похожа на матерей моих подруг, она бы мне всю плешь проела – мол, когда же я наконец выйду замуж и подарю ей внуков.

– Ну, времени у тебя еще достаточно. Кроме того, я думаю – матерям нужны вовсе не внуки, просто им хочется видеть своих дочерей счастливыми. – Ричард бросил быстрый взгляд на свои наручные часы. – Кстати, о счастье... Я, пожалуй, пойду – Сильвии наверняка захочется, чтобы я осчастливил ее чем-нибудь существенным к ужину. С похмелья у нее всегда разыгрывается зверский аппетит. Разумеется, она ни за что не признается, что у нее похмелье, но меня не проведешь: за годы, что мы прожили вместе, я успел неплохо ее изучить.

Мы обменялись улыбками, потом Ричард взял свой чемоданчик с инструментами и направился к выходу. Я вышла вместе с ним на крыльцо.

– Увидимся на Рождество, – сказа он, целуя меня в щеку.

– Да, конечно. Еще раз спасибо за отличный подарок.

– Не за что. Ну, до свидания.

– Пока, Ричард.

Закрыв входную дверь, я вернулась в гостиную и попыталась решить, какие из моих сокровищ я поставлю на новый стеллаж. Это было непросто: как справедливо заметил Ричард, у меня скопилось немало красивых ваз, чашек, фигурок животных и прочих сувениров, которые разные люди – Марк в том числе – дарили мне по поводу и без повода. Впрочем, я тут же подумала, что выставлять на всеобщее обозрение подарки Марка не стоит. Во всяком случае, не сейчас. Что касалось остального, то я могла бы использовать стеллаж для, так сказать, тематических выставок, регулярно меняя экспозицию, как только мне надоест смотреть на те или иные сувениры. Ну, а поскольку до Рождества оставалось всего ничего, я решила, что моя первая выставка будет посвящена празднику.

Я с жаром взялась за дело, и к утру следующего дня, когда мне нужно было идти на работу, все полки были заполнены различными предметами и украшены блестками и мишурой. Даже старый, выбеленный морской водой древесный корень причудливой формы, который я несколько лет назад подобрала на корнуоллском побережье, выглядел достаточно празднично в обрамлении серпантина и нескольких снежинок из блестящей фольги.

С рождественской темой я снова столкнулась в ветеринарной клинике, в которой работала. Мой непосредственный начальник Клайв Паркер был сущим фанатом Рождества.

Красный колпак Санты он носил, не снимая, чуть не с первых чисел декабря. Мне и другим медсестрам вменялось в обязанность украшать приемную и регистратуру сверкающим «дождем», гирляндами и шарами, причем Клайв настаивал, чтобы это тоже делалось как можно раньше. В приемной безостановочно звучали рождественские гимны, в специальной стеклянной витрине выставлялись рождественские костюмчики и игрушки для собак и кошек, а в воздухе витали ароматы подогретых пирожков со сладкой начинкой⁴.

Наша ветклиника была довольно скромной – в ней работали всего-то семь человек. Сейчас нас и вовсе осталось шестеро, поскольку одна из медсестер – Наоми – ушла в декретный отпуск, а Клайв так пока и не подыскал ей замену. В целом наша команда была маленькой, но дружной, однако, несмотря на то что со всеми ее членами у меня были достаточно доверительные отношения, я ухитрилась не проболтаться о своих чувствах к Марку никому из коллег. Работа была для меня приютом, убежищем, где я могла отдохнуть от любых проблем, подстерегавших меня в жизни. Конечно, я подозревала, что у моих товарищей по работе есть определенные догадки относительно того, почему в тридцать пять лет я все еще не замужем. Более того, всех их объединяло общее желание изменить эту ситуацию. Иными словами, все мои коллеги были в той или иной степени сводниками, и как

⁴ Сладкий пирожок (круглый, с начинкой из изюма, миндаля) – традиционное рождественское лакомство.

бы я ни настаивала, что на данный момент меня все устраивает, их стремление выдать меня замуж ничуть не ослабевало.

– Доброе утро, Бет, – приветствовала меня Тиа, когда я вошла в приемную. – Как свадьба? Встретила кого-нибудь интересного?

Я поставила зонтик в специальную стойку у входной двери.

– Да, я разговорилась с одним парнем, – шутливо ответила я. – Мы долго с ним беседовали. Долго и содержательно.

Глаза Тии широко распахнулись.

– Ну, рассказывай! – воскликнула она. – И поподробнее!

Но как раз в этот момент зазвонил телефон, а в дверь вошел первый на сегодня клиент с переноской в руке, из которой доносилось жалобное мяуканье, поэтому Тии так и не удалось меня расспросить. Я, однако, не обманывалась: если речь заходила о романтических отношениях, Тиа вцеплялась в тебя мертвой хваткой. На этот раз, к счастью, продолжению допроса с пристрастием помешало появление Наоми, которая со своим новорожденным малышом зашла к нам в обед. Тут надо сказать, что все сотрудники «Долстонской ветеринарии» просто обожали щенят и котят. Мы начинали сюсюкать над ними каждый раз, когда они к нам поступали, и ребенок Наоми, естественно, не стал исключением. Даже Клайв, который собирался на вызов, задержался, чтобы полюбоваться малышом.

– Надеюсь, раз уж он появился на свет под Рождество, вы дали ему праздничное имя? – осведомился он. – Например, Ноэль... На мой взгляд очень красиво.

Наоми посмотрела на начальника, причем я заметила, что она чуть крепче прижала ребенка к груди.

– Мы назвали его Рудольфом, – ответила она, опустив взгляд.

Клайв широко улыбнулся.

– Правда?

– Нет, Клайв, – призналась Наоми. – Мы бы никогда не поступили так со своим первенцем. Нашего сына зовут Бемби.

Мы рассмеялись, Клайв в том числе.

– Ну, он у тебя прелесть, как бы его ни звали. Молодчина, Наоми. – Он посмотрел на часы. – Ладно, мне пора бежать. Ты пойдешь с нами в этом году на каток? Надеюсь, твой муж сумеет присмотреть за Бемби в течение трех часов.

Наоми покачала головой:

– Боюсь, я еще не скоро смогу встать на коньки, Клайв, – ответила она. – Веселитесь без меня. Кстати, счастливого Рождества.

Как только Клайв вышел, Наоми демонстративно содрогнулась.

– Если Клайв действительно считает, что я способна кататься на коньках через неделю после родов, значит, он врет насчет того, что у него трое детей, – сказала она.

– Не он же их рожал, – заметила Тиа.

В этот момент Бемби проснулся и заорал. Наоми поспешно расстегнула блузку, достала грудь, и младенец сразу же присосался к ней, а мы стояли вокруг и смотрели на это, словно болельщики на какой-нибудь захватывающий матч. Тиа опомнилась первой – и сразу же вспомнила про свадьбу.

– В субботу Бет ходила на свадьбу одного знакомого и кое-кого там встретила, – сообщила она.

– Наоми это не интересно, – поспешно сказала я, но Наоми уже подняла голову.

– Еще как интересно! – сказала она. – Честно говоря, мне до смерти надоело думать о кормлении грудью, грязных подгузниках и о том, сколько я смогу поспать, прежде чем Бемби проснется и потребует есть, так что... В общем, выкладывай. Есть какие-нибудь перспективы?

Пришлось рассказать им о Джейми. Я говорила и говорила, стараясь ничего не упустить, а сама любовалась очаровательной картиной кормления Бемби и вспоминала, каким было лицо Джейми, когда он рассказывал мне о своих дочерях.

– В общем, он показался мне довольно милым, – закончила я. – И если он мне позвонит, я с удовольствием с ним встречусь. В общем, поживем – увидим, как говорится. Кстати, Наоми, как твой Тони воспринял отцовство?

Наоми улыбнулась.

– Тони просто влюблен в малыша. Он им полностью оча-

рован, и это, конечно, очень хорошо, потому что... Быть родителями непросто, особенно в первое время. Приходится перестраивать всю жизнь, ломать старые привычки, тратить дополнительные силы, которых и так не слишком много. И когда тебе кто-то помогает – тем более помогает так, как Тони, – это очень хорошее подспорье.

В голосе Наоми мне почудились жалобные нотки, но она постаралась скрыть их улыбкой. Она вообще была не из тех женщин, которые легко признаются в собственной слабости. Что ж, хорошо, что ее Тони оказался таким сокровищем.

Бемби тем временем насытился и уснул. Наоми протянула его мне.

– Подержи, пока я приведу себя в порядок ладно? И кстати, Тиа, я не откажусь от пары рождественских шоколадок – я точно знаю, что у тебя за стойкой их целая коробка, а я все еще ем за двоих.

Пока Наоми и остальные девчонки пили чай с конфетами, отвечая в промежутках на телефонные звонки, я держала на руках Бемби, любясь его длинными ресницами, темными волосиками, похожим на розовый бутон ротиком и изящными ушными раковинами. Он был само совершенство. У него просто не было недостатков!

– А этот твой новый мужик хочет еще детей? – спросила Наоми, приканчивая шоколадку с начинкой из клубники и сливок.

Я улыбнулась.

– Понятия не имею. К тому же он вовсе не мой.

– *Пока* не твой.

– Ну, посмотрим, как все сложится... – Я не без сожаления вернула ей ребенка. Как только тяжесть маленького тельца исчезла из моих рук, я почувствовала себя так, словно лишилась чего-то очень важного. – Ладно, вынуждена вас покинуть. Анальные железы Снупи ждать не будут.

– Ах, как же мне не хватает моей любимой работы! – приговорно вздохнула Наоми. – В ней столько возвышенного, романтического!

Несколько позднее, я снова встретила с коллегами, чтобы вместе идти на каток возле Сомерсет-хауса. Как и все остальные, я чувствовала себя взволнованной и немного возбужденной. Мы очень любили эту нашу корпоративную традицию, но сегодня катание на катке было мне нужнее обычного – я рассчитывала, что оно поможет мне поскорее забыть свадьбу Марка. Стоя в очереди на вход, мы много шутили и смеялись, когда же мы наконец попали на лед, то естественным образом разделились на две группы: на тех, кто, подобно мне, катался уверенно, и тех, кто предпочитал держаться поближе к бортику.

В детстве, стоило мне оказаться на катке, я тут же начинала воображать, будто выступаю на Олимпийских играх. Даже теперь, когда мне исполнилось тридцать пять, я продолжала чувствовать себя настоящей фигуристкой, которая стремительно несется по сверкающему льду. Что-что, а ка-

таться на коньках я умела, а где это лучше делать, чем на городском катке, на фоне домов в неоклассическом стиле, по случаю приближающихся праздников подсвеченных розовым светом, который делает их похожими на гигантские торты, а катающихся – на грациозных фламинго? Я, разумеется, имею в виду в первую очередь тех, кто катается уверенно, однако и те, кто едва-едва держится на коньках, отнюдь не выглядят неуклюжими и смешными. Праздник уравнивает всех.

Мои ожидания оправдались. Примерно на полчаса я забыла обо всех своих неприятностях. Я забыла даже о Марке с Грейс и о Париже, в который они отправились.

После катка мы пили горячий шоколад под гигантской новогодней елкой, украшенной электрическими гирляндами и подарочными корзинками с логотипом «Фортнум энд Мейсон»⁵, и обсуждали планы на праздники. В самый разгар обсуждения зазвонил мой телефон.

– Это наверняка он! Тот самый мужик со свадьбы! – выкрикнула Тиа, которую горячий шоколад взбодрил похлеще вина. – Давай же, Бет, ответь ему скорее!

Волнение Тии передалось и мне. Я очень надеялась, что это действительно Джейми, и все же, прежде чем ответить, я отошла от коллег немного в сторону.

⁵ «Фортнум энд Мейсон» – универсальный магазин в Лондоне. Рассчитан на богатых покупателей; известен своими экзотическими продовольственными товарами.

– Алло?

– Привет, это Джейми. Мы познакомились в субботу, на свадьбе Грейс и Марка. Помнишь меня?

Я улыбнулась.

– Да, я тебя помню.

– Я на это надеялся. – Он рассмеялся. – Как у тебя дела?

– Все в порядке. А у тебя? Ты виделся с дочерью?

– Да, виделся. День пролетел так быстро, что я и не заметил. Я хотел свозить обеих в Кембридж, в резиденцию Санты, но оказалось, что Гарриет уже возила их туда в субботу.

В его голосе сквозило разочарование, и мне захотелось его подбодрить.

– Но ты, наверное, придумал для них что-то другое?

– Да, разумеется. Не думаю, чтобы это была адекватная замена, но... в общем, я сводил их в собор на специальную предрождественскую службу, когда каждому ребенку дают по апельсину, в который вставлена свеча⁶. Кажется, им понравилось... Ну а потом мы пошли к реке кормить уток.

– Когда я была маленькой, мне очень нравилось кормить уток.

– Готов спорить, ты кормила самых обыкновенных уток. У нас в Или утки особенные. Они называются мускусные кряквы.

Я рассмеялась.

⁶ Апельсины, в которые вставлены свечи, раздают детям на предрождественском богослужении. Свеча символизирует Христа как «свет миру».

– Ты хочешь сказать, что я обязательно должна посмотреть ваших мускусных уток?

– Может быть. – Джейми тоже хохотнул. – С тобой очень приятно разговаривать, Бет. Знаешь, если говорить откровенно, то я все это время думал о тебе. Ну, то есть не все время. В общем, я вспоминал о тебе каждый раз, когда мне не нужно было искать пропавшие туфли Оливии или делить хлеб для уток, чтобы девочкам досталось поровну... ну, ты понимаешь.

– Я тоже думала о тебе, – честно призналась я. Главное, я совсем не сравнивала его с Марком. Ну, почти не сравнивала. Джейми был хорош сам по себе.

– Мне хотелось бы снова с тобой встретиться.

При мысли о том, что теперь мне есть чего ждать и на что надеяться, у меня загорелись щеки.

– Но, к сожалению, я смогу только после Рождества. В воскресенье девочки снова будут у меня, а в субботу мне надо пройтись по магазинам и купить недостающие подарки. Но после Рождества я абсолютно свободен, а ты? Впрочем, надеюсь – в ближайшее время мы еще созвонимся.

– Конечно.

Возвращаясь к коллегам, я улыбалась во весь рот. При виде моего глуповато-счастливого лица Тиа торжествующе завопила и отсалютовала мне горячим шоколадом.

– Это был он, я угадала? – спросила она. – Может, мне уже пора начинать подыскивать свадебную шляпку?

Джейми сдержал слово. Когда незадолго до Рождества я встретила с Розы, чтобы вместе отправиться на Риджент-стрит любоваться там праздничной иллюминацией, я разговаривала с ним уже несколько раз. Фактически Джейми звонил мне чуть не каждый день.

Мы с Розы ходили на Риджент-стрит каждый декабрь – это была одна из наших рождественских традиций. В этом году иллюминация была особенно хороша. Мы шагали по тротуару, и нам казалось, будто с темного вечернего неба падают огромные светящиеся снежинки – падают и гаснут, не долетая до земли. Да и зимние пейзажи в витринах универмага «Селфриджес» на Оксфорд-стрит были, как всегда, сказочно красивы и навевали поэтическое настроение. Я была довольна еще и тем, что купила все подарки заранее и мне не нужно было в предпраздничные дни носиться по распродажам в толпе озабоченных покупателей, второпях скупая разное барахло. Особенно мне нравился подарок, который я выбрала для Розы. Это был плюшевый медвежонок в желтом комбинезончике с вышитым спереди именем «Джорджио».

Сегодня, однако, Розы казалась какой-то задумчивой, отстраненной, словно мыслями она была далеко от Риджент-стрит с его световым шоу. Похоже, у нее было что-то на уме. В конце концов я не выдержала и решила выяснить, в чем дело. Слегка подтолкнув Розы локтем, я без обиняков спросила:

– Что грустишь? С тобой все в порядке?

Рози натянуто улыбнулась.

– Я должна сказать тебе одну вещь. Боюсь только, она тебе не очень понравится...

Я почувствовала, как сердце учащенно забилося. Что с ней? Может быть Рози больна? Или с Марком случилось в Париже что-то нехорошее?

– Какую вещь?

Рози вздохнула.

– Мне очень жаль, но Рождество я встречу не дома. Джорджио пригласил меня к себе в Рим на все праздники. Я уже купила билет на один из последних рейсов. Завтра улетаю.

Моей первой – и вполне естественной – реакцией была радость за подругу.

– Так это же здорово, Рози! – воскликнула я. – Рождество в Риме – это так романтично!

Но уже в следующую секунду я сообразила, что эта романтическая поездка будет значить лично для меня. На Рождество вернутся из Парижа Марк и Грейс, и если Рози уедет, мне придется иметь дело со счастливыми молодоженами одной, без всякой поддержки. О, нет, только не это!

– Разве не ты уверяла меня, что если кто-то из нас планирует встречать Рождество где-то в другом месте, он должен предупредить Сильвию минимум за десять месяцев? – спросила я.

– Да, так и есть, – согласилась Рози. – Но... дело в том, что на этот раз мама совершенно не возражала. Возможно, по-

тому, что дело касается мужчины. Она, кстати, тоже считает, что Рим – это очень романтично. Я... мне действительно жаль, что на этот раз мы будем встречать Рождество по отдельности, но Джорджио предложил, а я не смогла ему отказать. Он сказал, что праздники – самое лучшее время, чтобы посетить все исторические места и музеи Рима. Кроме того, на Рождество там проходит огромная рождественская ярмарка или что-то вроде того... Мне показалось, это может быть очень интересно.

– Но если ты уедешь, я не смогу вручить тебе подарок! – воскликнула я, думая о том, что медвежонок Джорджио на самом деле не такой уж замечательный подарок, как мне казалось. Кому в конце концов нужен игрушечный Джорджио, если у тебя есть настоящий Джорджио из плоти и крови? Плюс романтические каникулы в Риме.

– Ты вручишь мне подарок, когда я вернусь, – заявила Роза. – Это будет даже лучше – так праздники покажутся мне длиннее. Ну, а если тебе станет очень скучно, ты всегда можешь встретить Рождество с Джейми, не так ли? Ведь он, кажется, предлагал тебе что-то в этом роде... Послушай, Бет, мне правда очень жаль. Ну не сердись на меня, ладно?

– Как я могу на тебя сердиться, глупая?! – воскликнула я, крепко обнимая ее за плечи.

И это была чистая правда. Я действительно не могла сердиться на Розу за то, что романтические чувства оказались для нее важнее, чем я. И все же... все же я была немного

разочарована.

И внезапно мне расхотелось, чтобы Рождество наступало.

Глава 5

Когда мы были маленькими, Сильвия каждый год покупала нам на Рождество по новой пижаме. Их полагалось надевать в сочельник, когда, в преддверии главного праздника, нам с Розы разрешалось открыть по одному подарку. Мы буквально сгорали от волнения, подвешивая на специальные крючки над камином наши чулки для подарков. Кроме того, в наши обязанности входило начистить десяток морковок для Красноносого Оленя Рудольфа, а также напомнить Ричарду не забыть налить Санте большой бокал хереса, хотя, по правде сказать, мы уже тогда не очень-то верили в этого сказочного персонажа.

Эпоха рождественских пижам давно миновала, и в этом году меня ждали в гости не в сочельник, а только в рождественское утро.

Ричард и Сильвия жили в Миддлсексе, в лондонском «пригородном поясе». Из Долстона туда нужно было ехать минут сорок пять. На нужной улице я стояла уже в девять тридцать рождественского утра – в черном с искрой платье и в полном праздничном макияже. Проезжая мимо украшенных электрогирляндами, сверкающими шарами и серпантинном соседских палисадников, я невольно улыбалась. Соседи всегда старались перещеголять друг друга, поэтому с каждым годом палисадники становились все краше, но садик пе-

ред домом Сильвии и Ричарда неизменно оказывался самым лучшим. И в этом была заслуга Ричарда, у которого, как я уже говорила, были золотые руки.

Припарковав машину, я медленно пошла по садовой дорожке к дому, любуясь на ходу мерцающими в кронах деревьев огнями, мигающими на ограде снежинками, ярко-красными санями Санта-Клауса на крыше, а также расставленными по лужайке искусственными новогодними елками, под которыми виднелись фигурки снеговиков и гномов. Все это создавало атмосферу праздника, и я почувствовала, как настроение начинает потихоньку подниматься. Я даже подумала, что, быть может, нынешнее Рождество будет не таким провальным, как мне представлялось.

Дверь открыл Ричард. Он был в рождественском свитере с изображением двух целующихся пингвинов и надписью «Мои Святки». Я сразу подумала, что свитер связала для него Сильвия. Это было вполне в ее стиле.

– С Рождеством, дорогая! – Ричард крепко обнял меня и поцеловал.

– С Рождеством, Ричард. Ваш сад выглядит великолепно – впрочем, как и всегда. И свитер тоже отличный.

Наклонив голову набок, Ричард покосился на целующихся пингвинов.

– Мне тоже нравится. Классная картинка, верно?

Я кивнула.

– Сильвия не слишком расстроилась из-за Розы?

– По-моему, она просто не знает, то ли ей всплакнуть над своим пустым чулком для подарков, то ли начать задумываться над тем, что надеть на свадьбу дочери. А ты? Ты расстроилась?

Прежде чем я успела ответить, из кухни примчалась Сильвия и тут же заключила меня в объятия.

– Здравствуй, дорогая! С Рождеством! Прекрасно выглядишь! – Она крепче прижала меня к себе. – Очень приятно видеть человека, на которого можно положиться, – добавила Сильвия. – Роза-то предпочла укатить в Рим, чтобы жить там светской жизнью, а счастливые молодожены все еще нежатся в постели.

Надежная. Предсказуемая. Человек, на которого можно положиться. Да, это я. Невольно я вздохнула, но сразу же постаралась взять себя в руки.

– Пойдем-ка со мной в кухню. Я как раз собиралась ставить индейку в духовку. Нет-нет, я с ней сама справлюсь. Ты просто выпьешь кофе и расскажешь мне все, что тебе известно об этом Джорджио.

Несмотря на то что о Джорджио я не знала почти ничего, я все-таки проторчала в кухне довольно долго, помогая Сильвии с посудой и салатами, пока сверху не спустился Марк. Он был в домашнем халате, лицо припухло со сна, а волосы были очаровательно растрепаны. Выглядел он именно так, как мог бы выглядеть мужчина, только что занимавшийся любовью с женщиной, на которой он женат всего две недели.

Еще в те времена, когда в подростковом возрасте мои чувства вдруг переменялись и я начала относиться к Марку не как к старшему брату моей лучшей подруги, а как к мужчине моей мечты, я приобрела привычку морально готовить себя к каждой встрече с ним – в особенности, если я возвращалась в дом к Сильвии и Ричарду после того, как некоторое время отсутствовала. Они тогда жили еще в Лондоне – в небольшом таунхаусе с гостиной в цокольном этаже. Порой, чтобы привести мысли в порядок, мне приходилось сначала подниматься в расположенный на первом этаже туалет и только потом спускаться в гостиную, чтобы поздороваться со всеми.

Сегодня мне очень хотелось совершить аналогичный маневр, но увы – у меня не было такой возможности. Только что я чистила пастернак для жаркого, подпевая доносящимся из радиоприемника рождественским гимнам и стараясь не пропустить ни слова из того, что рассказывала мне Сильвия (она, впрочем, по большей части просто перечисляла все, что ей было известно о Риме и его жителях), – а через мгновение Марк уже стоял передо мной.

– С Рождеством, Бет! – сказал он, и не успела я опомниться, как он чмокнул меня в щеку и, повернувшись к матери, поцеловал ее в волосы на макушке.

– С Рождеством, ма.

– С Рождеством, милый. – Сильвия крепко обняла сына за плечи. – Вы собираетесь вставать? Поторопитесь, иначе

все мои планы пойдут прахом.

– Твоим планам ничего не грозит, ма, мы уже встаем. Я только приготовлю Грейс чашку кофе, и мы сразу же спустимся. Она ничего не может делать, пока не выпьет крепкого кофе.

Если бы здесь была Роза, она бы не преминула отпустить пару ядовитых замечаний по поводу «аристократических замашек» невестки, которая требует кофе в постель, а также по поводу готовности брата исполнять все ее капризы. Но Роза была далеко, и мне не оставалось ничего другого, как снова склониться над пастернаком, пряча за фальшивой улыбкой свое раненое сердце. Марк не должен ничего знать. Даже догадываться ни о чем не должен!

– Как прошел ваш медовый месяц? Когда вы вернулись? Холодно было в Париже?

Я слышала свой голос будто со стороны. Я сыпала и сыпала вопросами, не давая Марку ни малейшей возможности ответить. Когда же я рискнула поднять голову и бросить на него быстрый взгляд, я увидела, что он улыбается.

– Хорошо, спасибо. Мы вернулись вчера вечером. Да, в Париже было холодновато, но нас согревала наша любовь.

Ха-ха-ха три раза. Уж не ожидал ли он, что я по-сестрински пихну его в бок или сделаю еще что-то в этом роде? Да, мне хотелось его толкнуть, и не по-родственному, а как следует, но... К тому же я все равно не могла этого сделать, потому что нас разделял кухонный стол. В общем, я снова за-

нялась пастернаком, а Марк принялся готовить кофе.

– Бет, милая, не нужно резать его так мелко, – сказала Сильвия, отодвигая от меня разделочную доску с нашинкованным овощем. – Мы же не собираемся делать из него чипсы.

Теперь мне нечем было занять руки и некуда спрятать взгляд. В довершение всего в кухню вошел Ричард и, положив руку мне на плечо, сочувственно пожал его, отчего я едва не расплакалась.

– С тобой все в порядке, Бет? – слегка нахмурившись, спросил Марк. В каждой руке он держал по чашке кофе.

– Марк и Грейс только что вернулись из Парижа. Наверное, Бет вспомнила, как в детстве ее возили туда мама и папа, – сказал Ричард. – Я угадал, дорогая?

Ни о чем подобном я не думала, но теперь, когда Ричард это сказал, я вспомнила нашу поездку... и от этого мне еще сильнее захотелось заплакать.

– Я и не знал, что ты тоже побывала в Париже, – сказал Марк. – Ты никогда об этом не рассказывала. Наверное, тогда ты была совсем маленькой?

– Мне было шесть или семь. Мама очень хотела побывать на выставке произведений искусства.

– Насколько я помню, вы приехали туда четырнадцатого июля, в День взятия Бастилии, – подсказал Ричард, сочувственно улыбаясь.

Я кивнула.

– Да. Мама и папа не знали, что во Франции этот день – особенный. Национальный праздник или что-то в этом роде. Но нам повезло. Наш отель был совсем рядом с Эйфелевой башней, и из окна нашего номера были видны фейерверки, которые французы запускали под музыку.

– Клево. – Марк немного подождал, не добавлю ли я что-то еще, но мне вовсе не хотелось рассказывать о том, какое волшебное это было зрелище и как я любовалась им, сидя у отца на плечах. Да, тогда я была совсем маленькой, но и сейчас, много лет спустя, эта картина оставалась в моей памяти такой же яркой и живой, как тогда.

Марк поставил кофе на край стола и, шагнув вперед, прижал меня к груди.

– Наверное, для тебя это совершенно особенное воспоминание, – сказал он мягко.

Я моргнула, стараясь смахнуть повисшие на ресницах непрошенные слезы.

– Да.

Прежде чем разжать объятия, Марк легко поцеловал меня в макушку.

– Ладно, понесу-ка я кофе наверх, иначе меня ждет фейерверк почище парижского.

Марк ушел, а Сильвия повернулась к мужу и нахмурилась.

– Зачем ты вспомнил эту давнюю историю, Ричард? Ты только расстроил нашу Бет.

– Нет, все нормально, – поспешно вмешалась я. – Я вовсе

не расстроилась, наоборот... Все хорошо. Скажи лучше, могу я еще чем-то помочь?

Когда Марк и Грейс спустились, нам наконец-то удалось выманить Сильвию из кухни в гостиную, чтобы обменяться подарками. Сильвии я купила очень мягкий и красивый нежно-голубой платок, а Ричарду – новую пару садовых перчаток, от которых он пришел в настоящий восторг. Марку я обычно дарила на Рождество что-нибудь забавное – так, в прошлом году я купила ему пару прозрачных нейлоновых «рукавов» с имитацией татуировок, надев которые он стал похож на человека, который на протяжении полутора месяцев посещал тату-салон. Шутка Марку понравилась – во всяком случае, он носил мой подарок на протяжении всей рождественской недели.

Подобные подарки были частью моей маскировки. Я очень боялась, что если стану дарить Марку что-нибудь серьезное, то могу ненароком выдать свои истинные чувства. Но в этом году я оказалась в довольно затруднительном положении. Дело в том, что я знала Грейс недостаточно хорошо и не представляла, какой подарок заставит ее улыбнуться. Я даже не знала толком, есть ли у нее чувство юмора. По идее, оно должно было у нее присутствовать, поскольку в противном случае Марк, у которого с юмором было все в порядке, вряд ли бы на ней женился. Я, впрочем, ничего не знала наверняка и всю голову сломала, пока не купила Грейс и Марку по фартуку с надписью «Повелитель кухни». Вряд

ли, однако, это было особенно остроумно – во всяком случае, реакция обоих оказалась довольно сдержанной.

Господи, как же мне не хватало Розы – и именно сейчас! В том, насколько она мне необходима, я убедилась, когда спустя пару часов Розы позвонила нам из Рима и Сильвия включила громкую связь. Подруга болтала без умолку, передавая приветы и поздравления; изредка на заднем плане слышался голос Джорджио, который говорил что-то такое, что заставляло Розу хихикать. Слушая ее, я вдруг почувствовала себя единственным человеком на планете, который остался в это Рождество совершенно один.

Звонок Розы расстроил не только меня. После того как Сильвия дала отбой, ее верхняя губа жалко задрожала.

– Разумеется, я рада за нее, – сказала она неожиданно севшим голосом. – Но ведь ей уже тридцать пять! В таком возрасте ей следовало быть здесь, с нами, и не одной, а с кучей непослушных внуков!

При этих словах и я, и Ричард сразу вспомнили, о чем мы говорили, когда он привез мне стеллаж, и переглянулись. «Вот видишь!» – таков был смысл послания, который я пыталась передать ему взглядом и выражением лица. Ричард меня понял и улыбнулся в ответ.

– Разве про внуков можно говорить «куча»? – осведомился Марк.

– Я не уверена, что для них существует соответствующее собирательное существительное, – отозвалась Грейс.

– Такое существительное есть, – сказал Ричард, который знал все на свете. – Это существительное – «беспорядок».

Лучше беспорядок, чем полное отсутствие внуков, уныло подумала я. Внуков и детей. У меня-то тоже их нет, хотя мне, как и Розы, уже тридцать пять.

– Ну, хватит, дорогая, улыбнись! – сказал Ричард Сильвии. – Сегодня Рождество, а в такой день унывать – грех.

Сильвия кивнула, достала платок и высморкалась.

– Ты прав. Извини. – Она улыбнулась Марку и Грейс. – Я рассчитываю на вас, мои дорогие. Надеюсь, вы подарите мне целую кучу... в общем, побольше внуков, и пусть они делают что хотят. Беспорядком меня не испугаешь.

– Дай нам время, ма, – ответил Марк. – Мы женаты меньше месяца!

Он и Грейс подарили мне на Рождество толстый ежедневник, рассчитанный на пять лет. Пять лет пустых страниц! Чем их заполнять, я понятия не имела. Разве что начну вести дневник.

– Тебе понравился наш подарок? – спросил Марк некоторое время спустя. – Это Грейс выбирала. Сначала я не знал, пригодится тебе ежедневник или нет, но потом подумал, что ты можешь записывать разные забавные случаи, которые происходят у тебя на работе. Кстати, как здоровье Сути?

Я улыбнулась.

– Ежедневник – очень неплохая идея. А с Сути все в по-

рядке.

– Он ничего себе не отгрыз?

– Пока нет, насколько я знаю.

В этот момент к нам подошла Грейс. Подошла и обвила рукой талию Марка. Похоже, этот жест вошел у нее в привычку.

– Я только что узнал: Сути не отгрыз себе сломанную ногу, – сообщил ей Марк. – Отличная новость, правда?

Грейс поморщилась.

– Да, вероятно, – сказала она. – Особенно если учесть, что этот грызун-членовредитель едва не испортил нам свадьбу. Каково мне было выходить за тебя замуж, зная, что какой-то несчастный хомяк может вот-вот остаться без ноги. Я рада, что с ним все хорошо.

Она обращалась к Марку, но мне почему-то казалось – Грейс говорит это для меня.

– В Париже многие женщины носят в сумочках крошечных собачек, – сказал мне Марк. – Это, наверное, новая французская мода. Они сидят как детеныши кенгуру в сумке у мамы, только эти женщины покупали свои сумочки у «Дольче энд Габбана».

– Это итальянский бренд, дорогой.

Марк пожал плечами.

– Я не знаю, как называется французский аналог этой фирмы, но суть, думаю, ясна. Кстати, Бет, ты знаешь, что в Лувре находится столько картин, что, если постоять перед

каждой в течение всего тридцати секунд, на осмотр всей экспозиции потребуется тридцать пять суток?

– А сколько картин видели вы? – поинтересовалась Сильвия.

Марк рассмеялся.

– Ни одной!

Сильвия вздохнула.

– Понятно. У вас была романтическая поездка. Романтическая, а не познавательная. Верно, Грейс?

– Разумеется. Париж недаром называют Городом любви. Это идеальное место для медового месяца.

– Ну, на Эйфелевой башне вы наверняка побывали, – заметила Сильвия. – Мне всегда хотелось забраться на самый верх!

– На Эйфелеву башню мы тоже не поднимались, – сказал Марк несколько смущенно.

– Вы не были на Эйфелевой башне?! – ахнула Сильвия. – Я-то думала, что большинство людей ездят в Париж только за этим!

Грейс слегка повела плечами. Этот жест был призван показать всем, что они с Марком были слишком заняты друг другом, чтобы тратить время на осмотр достопримечательностей.

– Однажды в Париже мне сделали предложение, – сказала я, стремясь уйти подальше от скользкой темы. – И именно на Эйфелевой башне.

Марк вытаращил на меня глаза.

– Да не может быть! Почему я ничего не знаю? Мама, папа – вы когда-нибудь слышали об этой истории?

– Я не слышала, – сказала Сильвия. – Но очень хотела бы услышать.

Я на секунду задумалась. Роза знала о пережитом мною унижении – я сама ей все рассказала, потому что мне хотелось поделиться хоть с кем-то этим эпизодом моей не слишком богатой на события биографии, но остальные... Честно сказать, я понятия не имела, почему мне приспичило рассказать об этом случае именно сейчас, но поскольку все мои слушатели буквально сгорали от любопытства – все, за исключением Грейс, которая выбрала именно эту минуту, чтобы полюбоваться своим рождественским, со стразами, маникюром, – я решила идти до конца.

Начало моей истории было веселым само по себе. Мы с моим тогдашним другом Дэнни решили подняться на второй уровень башни пешком, чтобы не стоять в очереди к лифтам. Нам предстояло преодолеть 674 ступеньки, к тому же лестница была круговой, и по мере подъема голова у меня кружилась все сильнее и сильнее. Дэнни со своей стороны твердо решил сделать мне предложение именно так, как запланировал, поэтому не обратил внимания ни на мою бледность, ни на выступивший у меня на лбу холодный пот. К тому моменту, когда он готов был опуститься на одно колено, чтобы произнести заранее отрепетированные слова, пе-

ред глазами у меня все плыло и кружилось, меня отчаянно тошнило, и я испытывала непреодолимое желание лечь на железный пол прямо под ноги многочисленных туристов.

– И что ты ответила, когда он сделал тебе предложение? – заинтересованно спросил Марк.

– Я сказала, что меня тошнит.

– Бедный Дэнни. – Он вздохнул. – Не слишком романтическая история.

Я покачала головой. На мгновение я вновь перенеслась на продуваемую всеми ветрами площадку Эйфелевой башни и содрогнулась. Все, кто там был, смотрели на нас, а я думала только о том, как бы не сплевать.

– Дальше было хуже, – сообщила я.

– Хуже?

– Когда я немного пришла в себя, Дэнни повторил свое предложение, и мне пришлось сказать «нет». А поскольку это был первый день наших четырехдневных каникул, все оставшиеся дни Дэнни дулся и почти со мной не разговаривал – и это при том, что мы вынуждены были жить с ним в одном номере. Это было ужасно!

– Но почему ты ему отказала? – поинтересовалась Сильвия.

– Потому что я его не любила.

– Довольно веская причина, – вставил Ричард, кивая.

Марк покачал головой.

– Не понимаю, почему ты мне не рассказала! Я-то был

уверен, что знаю о тебе все.

Грейс оторвалась от созерцания своих безупречных ног-тей.

– Человека невозможно узнать до конца, – изрекла она. – Ты не знаешь всего о Бет точно так же, как не знаешь всего обо мне.

Это заявление заставило Марка вновь переключить внимание на жену.

– Вот как? – проговорил он, проводя кончиком пальца по ее шее. – И что именно я о тебе не знаю?

Грейс усмехнулась:

– Ты сам должен это выяснить, не так ли?

Повисла напряженная пауза, во время которой никто не издал ни звука. Наконец Ричард слегка откашлялся, а Сильвия двинулась в сторону кухни, бормоча что-то о необходимости нарезать морковь. Я бросилась следом.

– Давайте я помогу вам с брюссельской капустой.

Глава 6

Праздничное угощение Сильвии оказалось на высоте – как и всегда. Обжаренный до хруста картофель. Мягкая, жирная индейка. Душистое овощное рагу. Сногшибательный десерт. И только сама трапеза – трапеза как событие – была какой-то скучной. Возможно, впрочем, мне просто показалось, что застольная беседа и смех были наигранными, неестественными, словно каждый из присутствующих изо всех сил старался вести себя гостеприимно и дружелюбно, но не особенно преуспел. Можно было подумать – наступил конец эпохи и Рождество уже никогда не будет прежним. И когда после праздничного ужина мы с Грейс прибирались в кухне, я окончательно утвердилась в своих подозрениях.

По традиции, мытьем посуды в Рождество всегда занимались мужчины, но Ричард сказал, что сначала посидит минут десять спокойно, и только потом займется уборкой. Как и следовало ожидать, он почти сразу заснул, и будить его никто не стал. Марк готов был взять грязную работу на себя, но, когда он направился было на кухню, Грейс неожиданно его остановила.

– Я думаю, будет лучше, если сегодня посудой займемся мы с Бет, – сказала она. – В конце концов, надо же нам лучше узнать друг друга!

Перспектива «лучше узнать друг друга» меня не осо-

бенно привлекала, но я постаралась взять себя в руки. Если Грейс готова была приложить усилия, чтобы завязать со мной подобие дружеских отношений, то я тем более могла это сделать. Если бы мы подружились, жизнь стала бы намного проще. Кто знает, быть может, в процессе общения выяснилось бы, что между нами много общего. В конце концов, мы обе были влюблены в Марка, следовательно, у нас были схожие вкусы, к тому же я знала, что отныне Грейс будет присутствовать на всех семейных сборищах, следовательно, мне необходимо было научиться ее терпеть.

Но пока мы ополаскивали тарелки и ставили их в посудомоечную машину, Грейс не задала мне ни одного вопроса, который можно было бы расценить как попытку «узнать Бет поближе». Единственное, о чем мы говорили, это о приготовленных Сильвией блюдах и о том, как правильно разместить посуду в посудомойке, чтобы достичь наилучших результатов.

И только когда я погрузила руки в таз с мыльной водой, собираясь приняться за мытье сковородок и сервировочных блюд, Грейс заговорила о том, ради чего она, несомненно, и зазвала меня на кухню.

– Если бы твоя жизнь сложилась иначе, – начала она, – ты сегодня праздновала бы со своими настоящими родными, да?

На первый взгляд в этом вопросе не было никакого подвоха, стремления ранить, уязвить. В конце концов, Грейс ска-

зала чистую правду. Если бы мои отец с матерью были живы, я, вне всякого сомнения, встречала бы Рождество с ними. Меня, однако, глубоко задело употребленное ею словцо «настоящими». Можно было подумать, что я – самозванка, стремящаяся любым способом проникнуть туда, где у меня нет никакого права находиться и где мое присутствие рассматривается как нежелательное. Кроме того, я продолжала чувствовать вину, от которой до сих пор так и не сумела избавиться.

Когда я была ребенком, чувство вины было много тяжелее. Особенно на Рождество. Оно то и дело обрушивалось на меня в самые неподходящие моменты. Бывало, мы с Розой вскрывали наши рождественские подарки, и внезапно я вспоминала: мои мама и папа умерли. А раз так, значит, я не должна радоваться жизни. Не имею права быть счастливой. И те мгновения счастья и радости, которые я получала в доме Ричарда и Сильвии, начинали казаться мне крадеными, хотя я и не знала – у кого я их украла.

К счастью, Ричард и Сильвия всегда оказывались рядом и были готовы меня приласкать. Они обнимали меня до тех пор, пока мое мрачное настроение не проходило. С годами объятия заменили сочувственная улыбка или легкое прикосновение – в словах по-прежнему не было нужды. Одним своим присутствием эти двое – надежные, верные, любящие – словно говорили мне: все будет хорошо, дочка. Все будет хорошо. Мы тебя любим, а остальное не имеет значения. Я то-

же полюбила их всей душой, и теперь мне казалось неправильным, что кто-то говорит о Сильвии и Ричарде, что они мои «ненастоящие» родители.

Я провела мыльной рукой по лицу. На вопрос Грейс я так и не ответила, но она, похоже, и не ждала ответа.

– Никто не знает, что ждет его в будущем, да? – продолжала Грейс. – Но мы все равно можем строить планы, на что-то надеяться, ставить перед собой разные цели. Я, к примеру, всегда говорила, что выйду замуж до того, как мне стукнет тридцать и – вуаля! Мне двадцать девять, и у меня есть муж.

На мгновение мне захотелось отвесить ей пощечину – просто для того, чтобы стереть самодовольную улыбку с ее лица. К счастью, мне удалось сдержаться, и я ограничилась тем, что довольно едко спросила:

– Значит, ты вышла за Марка только потому что было пора? Пришло, так сказать, время?

На лице Грейс появилось оскорбленное выражение.

– Разумеется нет. Я люблю Марка!

Интересно, у нее уже назначен точный срок, чтобы родить ребенка? Похоже, что да.

– А как насчет тебя? – перешла в атаку Грейс. – Ты уже распланировала свою жизнь? Когда ты собираешься обзавестись *своей* семьей? Или, может, ты намерена встречать Рождество в этом доме до тех пор, пока Ричард и Сильвия не состарятся и не умрут?

Я мертвой хваткой вцепилась в противень из-под индей-

ки. От горячей воды мое лицо покраснелось, но сейчас я почувствовала, как от него отхлынула кровь.

Она знает, поняла я. Знает, что я влюблена в Марка, вот и решила разделаться со мной таким способом. Что ж, очко в ее пользу. Вот только я была вовсе не обязана дожидаться, пока Грейс нанесет последний удар.

– Прошу прощения, – сказала я, кладя металлическую мочалку на бортик раковины. – Мне нужно кое-кому позвонить.

Джейми удивился моему звонку, но был рад меня слышать.

– Твое предложение провести вместе Рождество еще в силе? Я знаю, что день почти прошел, но я могу быть у тебя уже через два часа, если отправлюсь немедленно.

– Конечно, приезжай. Я буду очень рад. Надеюсь, за праздничным столом ты выпила не слишком много и сможешь приехать на машине, потому что по случаю Рождества поезда почти не ходят.

За столом я съела очень мало, а выпила еще меньше. Должно быть, сработало какое-то предчувствие.

– Нет, я выпила всего бокал сухого вина. Все будет в порядке, не волнуйся. Пришли мне свой адрес эсэмэской, ладно?

Через десять минут, не обращая внимания на голос совести, я уже направлялась к двери. Сильвия, разумеется, расстроилась, но очень старалась это скрыть. Ричард, который

к этому времени проснулся, демонстрировал полное понимание, отчего мне стало еще хуже. Марк, казалось, был озадачен и удивлен, и только Грейс выглядела довольной. Еще бы, ведь именно этого она и добивалась. Грейс стремилась избавиться от меня и достигла своей цели.

Но мне было наплевать на Грейс.

– Джейми еще не рассказывал тебе о своем хобби? – поинтересовалась она с самым невинным видом, когда я шагла к своему автомобилю.

– Нет, – ответила я. – Кажется, он ни о чем таком не упоминал. А что у него за хобби?

Грейс рассмеялась.

– Ну если он ничего тебе не сказал, я тоже промолчу – пусть это будет сюрприз. Пока, Бет.

* * *

Первую половину пути я проплакала. Нет, я не содрогалась в рыданиях, подвергая себя опасности очутиться в кювете. Просто слезы текли и текли у меня по щекам, и мне то и дело приходилось вытирать их рукавом куртки.

Мои мама и папа погибли, когда отправились в Озерный край⁷, чтобы отпраздновать десятую годовщину свадьбы. По дороге они попали в густой туман, и в этом тумане на их

⁷ Озерный край – регион и национальный парк в графстве Камбрия на северо-западе Англии.

машину налетел грузовик, выскочивший на встречную полосу. Оба погибли мгновенно, и в тот же миг закончилась моя жизнь – единственная, которую я тогда знала. После смерти родителей я переехала к папиной сестре, тете Тильде, а это означало новую школу, новые внешкольные занятия и кружки и центр по уходу за детьми по воскресеньям, поскольку тетя часто работала в выходные. В тот период я чувствовала себя очень одинокой и несчастной – я скучала и по своим родителям, и по своим прежним подругам, в особенности по Розе. В конце концов Сильвия предложила тете Тильде брать меня к себе на выходные и после школы. Частенько я мечтала о том, чтобы мне разрешили остаться у Сильвии на ночь; возвращаться домой к тете Тильде, которая приходила за мной вечером, мне не очень хотелось, хотя я и понимала: тетя делает для меня все, что может. У нее была добрая душа, и со временем мы стали достаточно близки. К сожалению, она умерла еще до того, как мне исполнилось тринадцать.

* * *

По случаю Рождества машин на шоссе было мало, к тому же по А-10 до Или можно было добраться без особых затруднений. Примерно на половине пути я успокоилась и даже приободрилась. Грейс обошла со мной грубовато, но в чем-то она была права. Мне нужно строить свою жизнь, а не

питаться иллюзиями. Я и сама думала, что в этом году мне не следовало встречать Рождество у Ричарда и Сильвии, но я не послушалась предчувствий, потому что не хотела никого огорчать. В результате я огорчила сама себя. Слава богу, я сумела уехать, избавившись таким образом от необходимости фальшиво улыбаться, склоняясь над какой-нибудь настольной игрой, и жевать бутерброды с индейкой, есть которые мне не хотелось. Что ж, на протяжении нескольких последних недель мне было очень приятно болтать с Джейми по телефону, и я была почти уверена, что не менее приятно мне будет увидеть его во плоти.

Когда я подъехала к Или, уже почти стемнело. Джейми назвал мне главный ориентир – подсвеченный ландшафтными фонарями кафедральный собор, добавив, что, когда я его увижу, мне останется проехать всего несколько миль. Вскоре собор, чем-то похожий на вознесенный над темными полями маяк, показался на горизонте, и я, не удержавшись, восхищенно ахнула. Зрелище было захватывающее. Серебристые шпили собора вонзались в ночное небо, словно башни сказочного замка. Каким-то образом их вид подбодрил меня и пробудил надежду. Не может же быть все плохо в мире, в котором существует такая красота!

Потом я включила звук на навигаторе и, следуя его указаниям, проехала универсальный магазин и повернула налево. Там я остановилась на обочине, чтобы с помощью салфеток и карманного зеркала привести в порядок мой изряд-

но пострадавший макияж. Убедившись, что все в порядке, я двинулась дальше; еще один левый поворот, и вот я уже еду вдоль короткой улочки примерно из двух десятков домов, в самом конце которой находился дом Джейми.

Должно быть, он ждал меня, поскольку входная дверь его дома распахнулась еще до того, как я выбралась из машины.

– Привет, Бетти. Проходи, пожалуйста. Как доехала?

Вежливость его тона неожиданно напомнила мне, что мы на самом деле едва знакомы. Неужели я совершила ошибку, когда сломя голову помчалась к нему? Что я вообще знала о Джейми? Да почти ничего. И тем не менее я приехала, чтобы провести с ним остаток Рождества. Обычно я не позволяла себе подобных сумасбродных поступков.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель. Хочешь кофе? Или предпочитаешь что-нибудь покрепче? У меня есть вино, можно подогреть его с пряностями... Есть бутылка кафы, которую можно положить в холодильник для быстрого охлаждения. Да ты, наверное, проголодалась, пока ехала... Что ж, у меня найдется и чем перекусить.

Как ни странно, его нервная болтовня помогла мне расслабиться. Похоже, я пересекла три графства вовсе не затем, чтобы попасть в руки маньяка-потрошителя. Передо мной был Джейми – тот самый Джейми, которого я испачкала на свадьбе капустным салатом. Выющиеся волосы, растерянное выражение маленького мальчугана... он по-прежнему выглядел очень мило.

– Пожалуй, кофе будет в самый раз, – сказала я, снимая куртку. – А вот еды никакой не надо – я не голодна.

– О’кей, сейчас поставлю чайник. Располагайся, почувствуй себя как дома.

Он отправился на кухню, а я прошла в дверь, на которую он мне показал, и попала в гостиную. Там стояла самая большая елка, какую я только видела в закрытых помещениях. Она была так велика, что я невольно спросила себя, как Джейми сумел затащить ее в комнату и кто ему помогал. Елка была украшена гирляндами и бусами. Подойдя ближе, я увидела, что многие украшения были сделаны детскими руками – вероятно, это постарались дочери Джейми. Мазки краски и неумело, но щедро добавленные блестки на шарах и гирляндах выглядели очень трогательно. На самой верхушке елки болталась кукла-фея со странно вытаращенными глазами. Ее золотистая корона почти упиралась в потолок, в вытянутой руке блестел магический жезл, а за спиной болтались серебряные ангельские крылышки, вырезанные, похоже, из салфетки.

Под елкой я увидела груды еще не открытых подарков. Их было очень много, и каждый был аккуратно завернут в золотую или серебряную бумагу и перевязан алой ленточкой, завязанной бантом. Пожалуй, даже с помощью волшебства рождественской феи двум девочкам не удалось бы вскрыть их все за один вечер.

В гостиную вошел Джейми с подносом, на котором стояли

две чашки кофе. Перехватив его взгляд, я улыбнулась.

– Твои девочки будут очень рады, когда приедут. Столько подарков!

Он состроил потешную гримасу.

– Надеюсь. Боюсь только, что они все равно будут немного разочарованы, поскольку сегодня они уже получили рождественские подарки от матери.

– Как они могут быть разочарованы? Ты только погляди на все эти сокровища!

Он поставил поднос с кофе на журнальный столик и криковато улыбнулся.

– Наверное, я все-таки немного переборщил с подарками. С другой стороны, девочки забрали много игрушек в новый дом Гарриет, так что...

Только теперь я разглядела темные тени у него под глазами и невольно задумалась о том, что сегодняшней праздник дался ему нелегко. Проснуться одному в пустом доме... а ведь он, наверное, привык к тому, что дочери запрыгивали к нему в постель в невероятную рань, спеша поскорее начать новый день.

– Ты говоришь – они приедут к тебе завтра? Во сколько?

– Часов в девять. – Джейми виновато улыбнулся. – Если бы ты задержалась, я бы мог вас познакомить, но... Они ведь еще ничего о тебе не знают.

– О, нет, я ни на чем таком не настаиваю. Не беспокойся, я вовсе не хочу вам мешать. Собственно говоря, я могу уехать

домой уже сегодня вечером, если тебе так будет удобнее.

Джейми улыбнулся и, протянув руку, погладил меня по щеке.

Это был интимный, ласковый жест, от которого по моему телу пробежала дрожь.

– Я бы предпочел, чтобы ты осталась. Мы просто поставим будильник на семь или на половину восьмого, – сказал он мягко.

Через мгновение мы уже целовались.

Прошло уже много лет с тех пор, как я целовала кого-то по-настоящему. Но это, наверное, как езда на велосипеде – раз научившись, больше не разучишься. За считанные секунды мы оба разогрелись на несколько миллионов градусов.

– Хочешь, покажу тебе второй этаж? – Это могло бы прозвучать довольно пошло, но дрожь в голосе Джейми подсказала мне: он еще ни с кем не занимался любовью после развода.

– Да, хочу, – ответила я, и он, взяв меня за руку, отвел вверх.

Осмотр второго этажа начался и закончился в его спальне. Когда мы вместе рухнули на кровать, я рассмеялась, но Джейми с таким жаром целовал меня и ласкал сквозь платье мою грудь, что взаимное возбуждение очень быстро охватило нас обоих. Не помню, как мы срывали друг с друга одежду.

Через пять минут мы достигли пика.

Когда прошли глубокие и жаркие минуты и пришла усталая стыдливость, Джейми пробормотал с искренним рассказом в голосе:

– Господи, прости меня, пожалуйста! Все произошло так быстро... Надеюсь, твой кофе еще не успел остыть. Хочешь, я за ним схожу?

Я посмотрела на него, и мы оба расхохотались.

– Не быстро, – поправила я. – Мне было хорошо. В общем, после того как мы повторим, ты можешь сварить мне новую чашку.

Мы забрались под одеяло. На этот раз мы не спешили – глядя, лаская, исследуя, пробуя на вкус. Это было очень изысканное ощущение, особенно после утомительного, бешеного, нервного дня, который мне выпал. Наверное, именно поэтому не было ничего удивительного в том, что я заснула в объятиях Джейми.

Я лежала в постели одна, когда проснулась. Сначала я никак не могла сообразить, где нахожусь. В комнате было совершенно темно, если не считать полоски света, которая просачивалась сквозь неплотно прикрытую дверь. Затем я постепенно начала осознавать приятную расслабленность во всем теле, и вспомнила все. Джейми. Я была в его доме, в его постели. Мы только что занимались любовью, и это было невероятно изысканно и приятно, даже несмотря на наш не слишком многообещающий первый опыт. Сейчас Джейми, наверное, внизу – ждет, пока я проснусь.

Почему же мне так грустно? Ведь все было хорошо. У нас был отличный секс. Пожалуй, я даже могла бы надеяться на новое начало с новым партнером и хорошим человеком (Джейми, безусловно, был хорошим человеком). И главное, я сумела сломать унылую рождественскую рутину, которую создавала почти всю жизнь.

Мне хотелось, чтобы все было именно так. Увы, я никак не могла забыть злые слова Грейс: «...Может, ты намерена встречать Рождество в этом доме до тех пор, пока Ричард и Сильвия не состарятся и не умрут?» Я никак не могла забыть руку Марка на плече Грейс. Не могла забыть влюбленных взглядов, которыми они обменялись, когда вручали друг другу рождественские подарки.

О, господи!

Я быстро спустила ноги с кровати и огляделась в поисках халата или чего-то такого, что можно было бы накинуть. Но поблизости ничего не было, крючок на внутренней стороне двери тоже был пуст. Нашарив на стене выключатель, я зажгла свет и принялась собирать с пола свою разбросанную одежду. Наскоро одевшись, я спустилась в гостиную и обнаружила там Джейми. Он сидел в кресле голышом и смотрел по телевизору «Эта замечательная жизнь»⁸.

– А вот и ты! – воскликнул он, несколько не смутившись. – Я решил дать тебе немного поспать – мне показав-

⁸ «Эта замечательная жизнь» – фильм режиссера Фрэнка Капры, снятый в 1946 г. в жанре трагикомедии. По традиции, его часто показывают на Рождество.

лось, тебе не помешает отдохнуть как следует. Ну а теперь, когда ты проснулась, как насчет того, чтобы перекусить? Я как раз собирался приготовить нам пару сэндвичей. И кава, наверное, уже охладилась.

С этими словами он легко поднялся из кресла и направился на кухню. Его пенис болтался при ходьбе из стороны в сторону, но он, казалось, не обращал на это ни малейшего внимания. Подобное отсутствие стыдливости с его стороны странным образом заставило меня почувствовать себя так, будто это я стояла перед ним голышом. Признаться, мне было очень не по себе, и все же я не могла заставить себя не глядеть. Его болтающийся пенис буквально загипнотизировал меня, и я чувствовала себя беспомощной, как кролик перед удавом.

– Как тебе мой загар? – спросил Джейми, обернувшись через плечо. – Нравится?

Я молча кивнула. Загар, да... Именно на него я уставилась.

– В октябре, когда у девочек были осенние каникулы, я возил их в Грецию, – пояснил Джейми. – Нам тогда очень повезло с погодой. Ну и, конечно, я стараюсь воспользоваться каждой возможностью, чтобы подзагореть еще немного. Грейс, наверное, сказала тебе, что я натуралист?

Я вспомнила, как на прощание Грейс говорила мне что-то насчет «хобби» Джейми. Тогда я не поняла, почему у нее такой вид, будто она вот-вот лопнет от смеха.

– Нет, – ответила я. – Она как-то не упомянула об этом. Наверное, забыла.

Черт побери, если у нас такое Рождество, что́ будет на Новый год?

Зима вторая

Глава 7

Кембриджский скорый летел на полном ходу, и я крикну-

ла спущенному с поводка бордер-колли:

– Мило! Ко мне!

Куда там! Поезд уже почти поравнялся с нами, и Мило, чьим любимым занятием было бегать с поездами наперегонки, сорвался с места и понесся вперед словно мохнатая, черно-белая лающая комета. Слава богу, Тото и Лили – две таксы, которых я также выгуливала – оставались на сворке, к тому же они были наделены философским складом характера: зная, что поезд им все равно не догнать, они не особенно стремились посостязаться с ним в скорости. Что касалось Мило, то ему ничего страшного на самом деле не грозило. Я уже знала, что рано или поздно он признает поражение и вернется ко мне, к тому же железнодорожная линия проходила по противоположному берегу реки, так что угодить под колеса пес не мог бы при всем желании.

Грохот удаляющегося экспресса и лай Мило были единственными звуками, нарушавшими тишину. Кроме меня и собак, поблизости никого не было. Я уже немного привыкла к провинциальному безлюдью, хотя по временам мне очень не хватало лондонской шумной суеты. Или, правда, тоже считался городом – хоть маленьким, но все же городом (думаю, исключительно благодаря кафедральному собору), но жителей в нем было немного. Здесь нельзя было прыгнуть в автобус и отправиться в Уэст-Энд, чтобы посмотреть новейшую театральную постановку. Здесь и в помине не было ни ресторанов с национальной кухней разных стран, ни рынков,

ни магазинов с одеждой самых разных направлений и стилей, как в Долстоне. В общем, скучноватое место, по правде говоря, и все же в Или была своя прелесть. А еще здесь жил Джейми, который пылал ко мне неослабевающей страстью и всегда был готов заняться жарким сексом. Помимо этого мне весьма импонировали его добродушное отношение к жизни и мягкая улыбка, то и дело озарявшая его лицо. По характеру он был мужчиной семейного склада, обожавшим своих девочек. Ради него я отказалась от предвзятого отношения к сельской жизни и постаралась справиться с тоской по моей прежней работе и коллегам. В конце концов, разве мне не повезло найти работу по выгулу собак, коль скоро в Или не было ни одной вакансии для квалифицированной ветеринарной медсестры? Как ни суди, я продолжала работать с животными и даже приносить немалую пользу, поскольку без меня всем этим таксам, бордер-колли и прочим собакам пришлось бы по целым дням томиться взаперти.

Признаюсь откровенно: проводить время на природе мне все больше и больше нравилось. А если в течение нескольких недель каждый день гуляешь одним и тем же маршрутом, то понемногу начинаешь замечать детали, какие обычно не бросаются в глаза. Когда мы с Джейми водили его дочерей на обучающие экскурсии, я видела на берегах реки тропы, которыми пользовались выдры, видела заводи, где велик был шанс заметить охотящегося зимородка. Самих выдр я, правда, пока еще ни разу не встречала – даже если они и были

где-то поблизости, их, возможно, пугали собаки, – но вот зимородков я наблюдала едва ли не каждую неделю, и каждый раз, когда я видела несущуюся к воде сверкающую голубую молнию, у меня буквально занималось дыхание. В Долстоне ни о чем подобном не приходилось и мечтать.

Девочек, впрочем, прогулки на природе занимали мало. Оливия любила животных, но предпочитала ходить в контактный зоопарк, а не продирается сквозь кусты и траву. Кроме того, те выходные, когда мы все же вытащили их на прогулку, оказались не слишком удачными. Их мать, бывшая жена Джейми, отправилась на побережье, чтобы навестить родителей, и девочкам, вероятно, казалось, что ими пренебрегли. Я им сочувствовала – по-настоящему сочувствовала, потому что хорошо знала, каково это – скучать по маме, и старалась изо всех сил – нет, не занять место Гарриет, а хотя бы просто компенсировать девочкам ее отсутствие.

Девочки... Как же я могла забыть! Обычно, когда я выгуливала собак во второй половине дня, кембриджский экспресс появлялся, когда я возвращалась к машине, а Мило, Тото и Лили были на поводках и не могли никуда убежать. Сегодня получилось иначе: то ли поезд прошел раньше, то ли я припозднилась. Я склонялась к последнему варианту, а он означал, что у меня совсем не остается времени, чтобы развезти всех трех собак по домам и успеть забрать девочек из школы. В довершение всего в нашу сторону быстро двигалась огромная дождевая туча.

– Мило! – крикнула я, с трудом перекрывая шум внезапно налетевшего ветра. – Мило, ко мне!

Лили заскулила, вероятно, почувствовав приближение непогоды. С неба уже начали падать первые крупные капли, когда появился Мило. Высунув язык, он мчался ко мне с крайне довольным видом. Не удержавшись, я рассмеялась и наклонилась, чтобы застегнуть карабин на его ошейнике. На Мило просто невозможно было сердиться. Смотреть, как он облаивает проходящие поезда, мне даже нравилось, но сегодня я волновалась, что могу опоздать в школу. Причем уже не в первый раз... Кроме того, было весьма вероятно, что все места для парковки вблизи школьных ворот будут заняты, а значит, девочки промокнут, пока будут бежать к машине. Ну и в довершение всего, мне придется взять их с собой, когда я повезу Мило к хозяевам.

– А ну, скорее! – скомандовала я таксам, переходя на рысь. – Хорошо бы успеть отвезти домой хотя бы вас двоих.

Увы, дождь не стал ждать, и мы четверо успели основательно промокнуть еще до того, как домчались до моего фургона. Внутри, наскоро протерев густую шерсть Мило полотенцем, я открыла дверцу его дорожной клетки. Пес без возражений запрыгнул внутрь, и я мысленно перекрестилась: теперь я могла как следует высушить и устроить обеих такс. Несмотря на то что хозяева относились к Мило как к ребенку, которого у них никогда не было, он все же был собакой фермерской породы – неприхотливой, специально выведен-

ной для жизни на пустошах, поэтому несколько капель дождя вряд ли могли ему навредить.

Тото и Лили принадлежали одному хозяину, жившему неподалеку от собора. К тому времени, когда я отвезла такс домой и припарковала машину на боковой улочке рядом со школой, звонок, возвещавший об окончании уроков, уже давно прозвенел. Я бежала под дождем к школьным воротам, чувствуя, как промокшие волосы неприятно липнут к голове, а навстречу мне двигался поток старших школьников, родителей с младшекласниками и малышами в колясках.

Девочек мы с Джейми забирали из школы два или три раза в неделю. В первое время, когда я только-только переехала в Или, он делал это один, но потом старый особняк, реставрацией которого он занимался, был продан, а новый объект, над которым ему предстояло работать, находился довольно далеко, и я вызвалась заменять Джейми, когда он задерживался на работе. А в последнее время я забирала девочек из школы почти постоянно – в те дни, когда они оставались на ночь у нас. Это казалось разумным, поскольку мое расписание по выгулу собак было достаточно гибким и я могла планировать свое время так, чтобы иметь возможность больше общаться с дочерьми Джейми. Мне казалось, так у меня будет больше шансов с ними подружиться. Как правило, мне удавалось успеть к окончанию уроков вовремя, если только я не забывала посмотреть на часы.

Когда я вбежала на школьную игровую площадку, было

уже совсем темно – не из-за позднего часа, а из-за плотных дождевых облаков. Темнота, однако, не помешала мне разглядеть, что Оливия и Эмили были единственными, кого еще не забрали родители. Они стояли на заднем крыльце школы под зонтом, который держала над ними учительница. Ее лицо выражало крайнюю степень неодобрения. Окна позади были ярко освещены, и сквозь стекла я разглядела стены класса, увешанные рождественскими гирляндами, открытками, детскими рисунками и венками. Увы, лица девочек отнюдь не выглядели празднично. Не изменились они и тогда, когда Оливия и Эмили увидели, что я бегу к ним под дождем. Обе недовольно хмурились, а Оливия к тому же прижимала к себе рисунок, при виде которого у меня упало сердце. Интересно, как я смогу донести его до машины под потоками воды?

– Прошу прощения за опоздание, – сказала я учительнице.

– Ничего страшного, – отозвалась та, но голос ее звучал раздраженно. – До завтра, Оливия, – добавила она. – Не забудь костюм для рождественского спектакля. До свидания, Эмили.

– Привет, девочки! – поздоровалась я, старательно делая вид, будто не замечаю их недовольных лиц. – Простите, что задержалась, Мило опять погнался за поездом. А что ты нарисовала, Оливия? Можно посмотреть?

Оливия крепче прижала рисунок к груди.

– Нет. Это для мамочки.

Вот так. Несмотря на все мои добрые намерения и принятые усилия, подружиться с дочерьми Джейми у меня пока не получалось.

– Тебе все равно лучше отдать рисунок мне. Я спрячу его под куртку, не то он испортится.

Губы Оливии искривились в протестующей гримасе, но тут вмешалась ее сестра.

– Делай, как она говорит, – резко сказала Эмили, – иначе мы до вечера не доберемся домой.

Оливия нехотя протянула мне рисунок. Его лицевая сторона ярко сверкнула в полутьме. Как я и думала, юная художница злоупотребляла блестками и лаком.

– Только не смотри! – предупредила Оливия. – Это специальный рисунок для моей мамочки.

– Не буду. – Я расстегнула молнию на куртке и засунула рисунок поглубже, лицевой стороной к свитеру. Отметив про себя, что на шерсти наверняка останется бóльшая часть блесток, так что мой старый свитер тоже можно будет считать рождественским. Потом я взяла под мышку коробочки для завтрака и протянула Оливии руку.

– Ну, побежали?

– Почему ты опять оставила машину так далеко? – проворчала Эмили, когда мы выбежали за ворота.

Я не ответила. Я была уверена, что она знает ответ. Кроме того, я приготовила ей рождественский сюрприз, и мне не

хотелось, чтобы мы поссорились накануне праздника. Интересно, какое будет у нее лицо, когда она увидит мой подарок?

Минут за пять мы добрались до фургона. Там я выпустила руку Оливии, чтобы отпереть дверцу. Едва увидев девочек, Мило принялся скрестись в клетке и приветственно скулить, прижимаясь носом к решетке. Оливия, которую я усадила на заднее сиденье, тут же обернулась, пытаясь его погладить, отчего я никак не могла застегнуть на ней ремень безопасности. При этом я по-прежнему стояла снаружи, руки у меня были мокрыми, а дождевая вода потоками стекала за шиворот.

– Здесь воняет, – поморщилась Эмили, усаживаясь рядом с сестрой. Свой ремень безопасности она застегнула самостоятельно.

Возразить мне было нечего. Я постоянно возила в фургоне собак, и салон насквозь пропах псиной. А сегодня из-за дождя запах собачьей шерсти был особенно сильным.

– Я знаю, – ответила я, стараясь не обращать внимания на ледяные струйки, которые затекали мне за воротник. – Ужасно, правда? Надо будет сделать химчистку салона. Оливия, дорогая, повернись, пожалуйста, – мне нужно тебя пристегнуть.

Девочка не обратила на мои слова ни малейшего внимания, и я попыталась зайти с другой стороны:

– Я не могу сесть в салон, пока ты не пристегнута, Оливия. А если я не сяду в салон как можно скорее, рисунок, который

ты приготовила для мамы, промокнет и испортится.

Угроза возымела действие, хотя я и прибегла к запрещенному приему. Оливия повернулась, давая мне возможность застегнуть пряжку ремня. Захлопнув дверцу, я поспешно села за руль, потом расстегнула куртку и, достав рисунок, протянула его Оливии. При этом мне удалось взглянуть на него краем глаза. На рисунке была изображена семья: мама, папа и две девочки под новогодней елкой. Ну, а чего я ожидала? Чтобы на картине были папа и две мамочки?

– Тебе, наверное, очень хочется сыграть в завтрашнем спектакле, – сказала я, когда мы уже ехали по направлению к дому хозяев Мило. Я, впрочем, тут же подумала о том, что заводить этот разговор вряд ли стоило: в школьном спектакле Оливии предстояло играть одного из пастухов, и она очень расстроилась из-за того, что ей не досталась роль Богоматери.

Но оказалось, что я – чисто случайно – выбрала вполне безопасную тему.

– Мама купила мне специально для спектакля игрушечного ягненка, – сообщила Оливия. – Он такой миленький! Больше ни у кого такого нет.

Ах вот, значит, кого мне нужно благодарить. Гарриет.

– Да что ты говоришь! А как ты назвала своего ягненка?

– Никак. Он будет просто Ягненок.

Когда мы доехали до дома Мило, дождь все еще лил как из ведра. Интуиция подсказывала мне, что Оливию и Эми-

ли лучше оставить в машине, пока я буду отводить Мило. В конце концов, это займет всего несколько минут, за это время с девочками вряд ли что-нибудь случится. К несчастью, Джейми и Гарриет придерживались незыблемого правила: никогда, ни под каким предлогом не оставлять дочерей в машине одних, без присмотра, так что выбора у меня не было. Пришлось тащить обеих девочек с собой, хотя они только что не брыкались и не визжали.

– Идем, Оливия, – сказала я твердо. – Если хочешь, ты сможешь покормить Мило вместо меня.

Это решило дело. Оливия тут же принялась отстегивать ремень безопасности.

– Правда? Мне можно будет его покормить? – Она готова была ринуться под дождь, но мне пришлось ее остановить, так как предстояло еще уговорить Эмили. Действовать надо было быстро, и я решила зайти с главного козыря:

– Когда сегодня утром я была в городе, я купила тебе одну очень хорошую книжку. Она ждет тебя дома, так что чем быстрее мы туда попадем...

Узкое личико Эмили отразило крайнюю степень подозрительности.

– Какую еще книжку?

Я едва сдержала торжествующую улыбку:

– Самую новую книжку Джини Кармайкл.

Если Оливия предпочитала постоянное общение и почти не замолкала, ее сестра чувствовала себя счастливой толь-

ко когда с головой погружалась в чтение. Я точно знала, что Джина Кармайкл – ее любимая писательница, поэтому сегодня утром я отправилась напрямик в книжный магазин, что, по правде сказать, и было главной причиной моих последующих опозданий.

Я ожидала восхищенной и, быть может, даже благодарной улыбки, но ее не последовало.

– А-а, – небрежно проговорила Эмили. – Мама купила мне эту книгу вчера. Я ее уже прочитала.

Это был не первый случай, когда Гарриет обходила меня буквально у финишного столба. Я: *«Привет, девочки! Я купила очень красивую цветную бумагу. Теперь мы сможем своими руками сделать к Рождеству бумажные цепочки и украсить ими гостиную»*. Оливия: *«В прошлые выходные мы уже клеили бумажные цепочки с мамой»*. Я: *«Ну, девочки, кто из вас хочет помочь мне испечь торт к Рождеству?»* Эмили: *«Мама обещала, что мы будем вместе печь торт в эту субботу»*. В целом в этом не было, наверное, ничего удивительного, но я не могла не испытывать разочарования. Раз за разом я придумывала какие-то совместные игры или интересные занятия, и каждый раз меня отталкивали, отодвигали в сторону. Девочки, разумеется, были совершенно не виноваты в том, что их мать опережала меня постоянно и во всем. Положение, в котором мы все пребывали, было не из легких, но Оливии и Эмили приходилось тяжелее всех, и мне следовало это понимать. В конце концов, я сама побы-

вала в их шкуре, когда попала на попечение к тете Тильде. Правда, Джейми уже несколько раз говорил мне, что его дочери ненавидят не меня, а ситуацию, но я зачастую не видела особой разницы между тем и другим.

– Очень жаль, – сказала я. – Мне хотелось сделать тебе приятное. Тем не менее, боюсь, тебе все-таки придется пойти с нами. Ты же знаешь, папа не разрешает вам оставаться в машине одним.

С этими словами я выбралась под дождь, чтобы выпустить Мило из его транспортировочной клетки. Оливия последовала за мной, как только я открыла дверцу с ее стороны, и сразу потребовала, чтобы я дала ей поводок, но я не могла этого допустить: Мило был не моей собакой, а собакой моих клиентов.

– Идем, Эмили, пожалуйста. Это не займет много времени.

В конце концов она подчинилась и нехотя сползла с сиденья, сбросив на пол «специальный» рисунок сестры. Все вместе мы бросились по садовой дорожке к дому, а дождь продолжал нещадно поливать нас ледяными струями.

– Не забудь снять туфли! – крикнула я Оливии, которая первой проскользнула в дверь и сразу направилась на поиски кухни, где, как она совершенно правильно решила, находились запасы собачьей еды. Пока я возилась с поводком, отстегивая его от ошейника Мило, Эмили двинулась прямо в гостиную.

Ставя сброшенные ею башмаки на коврик рядом со своими раскисшими кроссовками, я услышала, как Оливия в кухне что-то говорит Мило.

– Я сейчас покажу тебе, где лежит его еда и сколько ему надо давать! – крикнула я, заглядывая в гостиную чтобы убедиться – с Эмили все в порядке, и она ничего не трогает и не шалит.

Эмили спокойно сидела на полу рядом с елкой и увлеченно рассматривала какую-то книгу, лежавшую раскрытой на кофейном столике. Почувствовав потенциальную возможность сойтись с девочкой поближе – а такие возможности я искала постоянно, – я шагнула к ней со словами:

– Что это за книга тышла, Эмили? Интересная?

Наклонившись над девочкой, я потрясенно ахнула. Книга, которую с таким увлечением рассматривала Эмили, оказалась иллюстрированным настольным изданием «Камасутры».

– Мне кажется, тебе еще рано читать такие книги, – пролепетала я и попыталась вырвать книгу из детских пальчиков.

Эмили едва удостоила меня взглядом.

– Я уже все об этом знаю, – сказала она. – Это книга о том, как делать детей.

– И все равно мне кажется, что иллюстрации в этой книге, гм-м... не слишком подходят для девочек твоего возраста, – не сдавалась я. – Уверена, что хозяева Мило оставили книгу

на столе по ошибке.

Я наконец-то завладела «Камасутрой» и поставила на самую верхнюю полку, чтобы Эмили не могла до нее дотянуться.

– К тому же мы скоро уходим. Я только помогу Оливии накормить Мило, и мы сразу поедем домой.

Эмили поднялась с пола и плюхнулась на диван. На ее лице была написана вселенская скука. Я проигнорировала ее взгляд и поспешила на кухню, где Мило как раз приканчивал нечто, весьма напоминающее кусок говяжьей вырезки.

– Оливия! – в отчаянии выкрикнула я. – Где ты это взяла!

– В холодильнике. – Глаза Оливии мгновенно наполнились слезами. Я еще никогда на нее не кричала.

Рядом с холодильником на полу валялась пустая упаковка. Я не ошиблась – это действительно был бифштекс из говядины. Черт!

Мило старательно облизывался. Он был в восторге. На пороге кухни появилась Эмили, которая зашла посмотреть, что происходит. Впервые с тех пор, как я забрала девочек из школы, я увидела у нее на губах улыбку.

– Отличная работа, Олли! – сказала Эмили.

По щеке Оливии скатилась слеза. Я вздохнула.

– Ладно, проехали, – сказала я устало. – Но на будущее запомни: корм для Мило лежит вот в этом шкафчике, понятно? А продукты из холодильника предназначены для его мамы и папы.

– Его мама и папа – собаки, – отбрила меня Эмили. Ее улыбка исчезла, на лице появилось строгое и почти угрожающее выражение.

Я поспешно нацарапала хозяевам Мило записку с извинениями и оставила ее вместе с деньгами на кухонном столе. После этого мы наконец поехали домой.

Узнав о происшествии в доме Мило, Джейми расхохотался.

– Ничего смешного, – заявила я ему. – На самом деле это было ужасно... Я имею в виду «Камасутру». Все эти индусы с бесстрастными лицами, которые трахают таких же бесстрастных индусок... Кроме того, кто знает – вдруг у них больше ничего не было к ужину?!

– Ты имеешь в виду этих бесстрастных индусов и индусок?

Я с досадой шлепнула его по руке.

– Нет, конечно! Я имею в виду хозяев Мило. Господи, как неловко! Мы лишили их еды, к тому же я убрала книгу на полку, так что они сразу поймут, что мы ее видели. Надеюсь, в ближайшие дни мне не придется встречаться с ними лицом к лицу! Да еще твоя дочь. Я бы не хотела, чтобы Эмили...

– Ну, не переживай, – рассудительно сказал Джейми. – Эмили действительно знает, откуда берутся дети. Мы с Гарриет давно все объяснили и ей, и Оливии. И мы старались воспитать их так, чтобы они не стеснялись наготы – своей и чужой. – Он взял меня за подбородок и поцеловал в губы. –

Эта книга смутила не Эмили, а тебя, правда?

Когда мне пришлось бросить работу и перебраться в Или, я твердо решила, что постараюсь начать на новом месте новую жизнь. Это, в частности, означало, что мне придется стать вегетарианкой, как Джейми и девочки. И это мне удалось, точнее – почти удалось. Порой в обеденный перерыв я тайком съедала сэндвич-другой с беконом и, конечно, позволяла себе мясные блюда, когда ездила в Лондон навестить Розы, однако все остальное время вела себя примерно. Кроме того, мой переезд к Джейми предполагал, что я стану, как и он, увлекаться натуразмом. Здесь дело обстояло сложнее: перспектива расхаживать голышом отнюдь не казалась мне увлекательной. Создавшееся положение можно было сравнить с тем неловким моментом, когда человек в знак приветствия целует другого в щеку, а когда тот пытается ответить тем же, обнаруживается, что его знакомый уже отстранился и он целует пустоту. Именно так обстояли дела и у меня с натуразмом. Со временем я преуспела в нем настолько, что не испытывала почти никакого иррационального страха при необходимости раздеться на глазах малознакомых людей, но никакого особого смысла в этом я по-прежнему не видела.

Джейми утверждал, что натуразм раскрепощает человека, делает его свободным. Но я никакой особой свободы не чувствовала – только стыд. Кроме того, я никогда не любила по-дружески выпивать и болтать о всякой ерунде с людьми, которых плохо знала и с которыми не имела ничего общего

– тем более если для этого нужно было снимать с себя одежду. Джейми уверял меня, что со временем я вовсе перестану обращать внимание на собственную наготу, но какой тогда смысл раздеваться, если ты этого даже не замечаешь? Да и в любом случае, я чувствовала бы себя гораздо раскрепощеннее в обыкновенных джинсах и удобных, разношенных походных ботинках или в простом платье на пуговицах и с широким подолом.

Пожалуй, единственный раз, когда я чувствовала себя комфортно без одежды, был тогда, когда мы с Джейми летали в отпуск в Грецию. Купаться гольшом в теплом море мне очень нравилось. И хотя Джейми иногда дразнил меня «скромницей» и «пуританкой», он не знал, что я купалась без одежды еще до того, как познакомилась с ним. Мы с Розой частенько проделывали это, когда ездили отдыхать куда-нибудь в теплые края. После наступления темноты мы прокрадывались к морю, раздевались где-нибудь в укромном месте и погружались в воду, но ни нудизмом, ни натуразмом мы это не называли, да и проделывали мы это не ради какой-то мифической свободы или раскрепощения, а ради шелковистого прикосновения прохладной воды к разгоряченной коже.

Джейми достал из бумажника пятерку.

– Вот твои пять фунтов, – сказал он. – Хотя я думаю, что теперь Оливия станет для этой собаки лучшим другом.

Я швырнула деньги обратно, и Джейми аккуратно поло-

жил их на столик.

– Я сомневаюсь, что хозяева Мило вполне разделяют его чувства. Надеюсь, у них осталось хоть что-то, что можно было бы приготовить на ужин.

– Ну, они всегда могут купить в ближайшем киоске жареную картошку и рыбу. Их не нужно готовить, поэтому у хозяев Мило будет больше времени, чтобы заняться своими камасутрами, – рассмеялся Джейми. – Кстати, чем занимались бесстрастные индусы на картинках, которые ты видела в книге? Вот этим? – Он перекинул меня через подлокотник кресла и притворился, будто пытается взять меня сзади. – Или вот этим?

Рассмеявшись, я обернулась и увидела, что Джейми, сохраняя на лице отстраненное выражение, стоит на одной ноге и, выгнув спину, пытается делать тазом резкие выпады.

– Осторожнее! – воскликнула я. – Ты сейчас грохнешься! Девочки к этому времени давно спали, и мы с Джейми без опаски занялись любовью – сначала на диване, потом на полу и на других поверхностях, на ходу изобретая для «Камасутры» новые позы и хихикая, как умалишенные, пока захлестнувшее нас с головой желание не разрешилось бурным и потным финалом.

– Это было здорово! – отдуваясь, проговорил Джейми, лежа частично на диване, частично на полу. – Спасибо вам, милые хозяева Мило! Ну ладно, уже поздно, пора и нам идти спать.

Когда мы оказались в постели, Джейми повернулся ко мне и ладонью отвел с моего лица волосы.

– Не переживай так сильно из-за девочек. Не переживай и не беспокойся. Уверен, скоро они к тебе привыкнут.

Я тоже очень на это надеялась. Поначалу я думала, что их появление в моей жизни сможет до какой-то степени утолить мое стремление к материнству, но довольно скоро я обнаружила, что с тех пор, как переехала к Джейми, мое желание иметь собственных детей сделалось еще сильнее. Родителями Оливии и Эмили были он и Гарриет, а не я.

До сегодняшнего дня я ничего не говорила Джейми о своих мыслях и желаниях, но сейчас вдруг решилась.

– Знаешь, – сказала я как можно небрежнее, – мне кажется, что все было бы гораздо проще, если бы у девочек появился маленький братик или сестренка. Если бы у нас с тобой был общий ребенок, они...

Реакция Джейми оказалась довольно острой, если не сказать – панической. Я почувствовала, как его тело напряглось, и он резко отодвинулся, словно я вдруг сделалась источником мощного радиоактивного излучения.

– Ни черта подобного! – хрипло воскликнул он. – Наоборот, это только все усложнит.

Его слова больно ударили меня. На мгновение я почувствовала себя пустой внутри – совсем как тыква, которую выскребли и высушили, чтобы сделать сосуд для воды или молока.

– Почему?

– Это же ясно! Потому что они будут безумно ревновать – вот почему! Кроме того, ребенок – удовольствие не из дешевых. И это большой труд. Мне казалось, тебе пора бы это понимать.

Всего минуту назад я была счастлива. Я смеялась, я дышала радостью... Теперь самый фундамент моего мира треснул и рассыпался. Напрасно я заговорила с ним о ребенке, это было ясно как день, но с другой стороны... Разве могла я поступить иначе? В конце концов, я переехала к Джейми, чтобы строить с ним новую жизнь, и мне необходимо было знать, какой она будет – эта новая жизнь.

– То есть, ты хочешь сказать, что у меня... у нас никогда не будет общего ребенка?

Он поднял руку и погладил меня по волосам.

– Я же сказал – не надо торопиться. Со временем ты обязательно подружишься с Оливией и Эмили. Между вами установятся хорошие, близкие отношения, – сказал Джейми, и я машинально отметила, что он так и не ответил на мой вопрос. – Главное, не спеши. Пока ты справляешься очень хорошо.

– Ты так считаешь? А вот мне кажется – что бы я для них ни делала, все не так!

– То же самое можно сказать и обо мне, Бет. Все, что делаю для них я, им тоже не нравится, потому что они дети. Таково проклятие, которое лежит на всех родителях.

– Ты не ответил на мой вопрос, – напомнила я, и Джейми вздохнул.

– Слушай, уже поздно, утром мне рано вставать. Сейчас я скажу так: мы прожили вместе совсем немного времени, поэтому неудивительно, что ты еще многого не понимаешь. Давай вернемся к этой теме месяцев через шесть, ладно? – Он слегка приподнялся и наклонился вперед, чтобы поцеловать меня. – Кстати, знаешь, у тебя блески на носу? Нет-нет, не стирай! Тебе очень идет!

Но я уже потеряла кончик носа краешком одеяла. Я знала, откуда эти блески. Конечно, они перекочевали на мою кожу с рисунка Оливии, который, кстати сказать, так и остался на заднем сиденье моего фургона.

– А у меня для тебя хорошая новость: завтра ты отдохнешь, – добавил Джейми, снова укладываясь на подушку и широко зевая. – Мне сегодня звонила Гарриет. Она что-то там изменила в своем рабочем расписании, так что завтра она сможет пойти на спектакль к Оливии вместо тебя.

– Вот как? – Я почувствовала себя разочарованной.

– Надеюсь, ты не против? – Джейми приоткрыл один глаз и посмотрел на меня. – Можешь мне поверить: тот, кто видел хоть один рождественский спектакль, видел их все.

«Я не видела ни одного рождественского спектакля по крайней мере с тех пор, как сама играла в одном из них», – хотела я возразить, но почти сразу поняла: это ничего не изменит.

– Нет, не против, – храбро ответила я. – Оливия будет очень рада, что мама придет к ней на спектакль.

Но я разговаривала сама с собой. Джейми крепко спал.

Глава 8

В самом начале наших с Джейми отношений мы виделись с ним каждые выходные, когда к нему не приезжали дочери. Раз в месяц я приезжала к нему в Или, раз в месяц он навещал меня в Лондоне. Наши совместные уик-энды были заполнены сексом, смехом, разговорами. В те дни я многое узнала о детстве Джейми, которое прошло на побережье Кента, о его учебе в университете, о том, как он учительствовал в Кембриджшире и как познакомился с Гарриет через какого-то своего приятеля. Я рассказала Джейми о себе, о смерти родителей и о том, как непросто мне пришлось в подростковом возрасте.

Все время, когда мы не лежали вместе в постели, мы посвящали экскурсиям. В Или я восхищалась величественным собором, мастерством исполнителей морриса, которые танцевали этот танец как полагалось по канону – с палками и привязанными к голням колокольчиками, а также отражавшимися в воде лодками, которые плавно скользили по реке рядом с прибрежным пабом, где мы пили густое, темное пиво. В Лондоне мы ходили смотреть драгоценности короны в Тауэре и постановку «Макбета» в шекспировском «Глобусе», катались на гидроцикле по Темзе и поднимались на лифте на самый верх «Осколка»⁹, где пили шампанское и глаза-

⁹ «Осколок» – небоскреб в Лондоне, построен в 1975 г.

ли на Лондонский мост. Каждый был рад показать другому сокровища своего города, потому эти встречи становились для нас настоящим праздником.

Мы как раз сидели в кабинке «Лондонского глаза»¹⁰ вместе с еще двумя десятками туристов, когда Джейми, повернувшись спиной к великолепному виду на Биг-Бен и здание Парламента, неожиданно обнял меня за плечи.

– Вот почему ты сейчас здесь? – спросил он.

Я неуверенно рассмеялась.

– Потому что мне хотелось увидеть панораму Лондона. И еще, наверное, потому что это считается романтичным.

Он покачал головой.

– Я не это имел в виду. Я хотел спросить, почему ты до сих пор одна? Почему до сих пор никто тебя не заметил, не нашел?

Я пожала плечами, старательно избегая его взгляда.

– Наверное, я просто не встретила подходящего человека. Звезды еще не сошлись, только и всего.

О своих чувствах к Марку я Джейми рассказывать не собиралась. Я знала, что так долго цепляться за любовь к человеку, который видел во мне лишь младшую сестру, было довольно глупо. То есть глупым это могло показаться со стороны, но для меня дело обстояло несколько иначе. Разве глупо

¹⁰ «Лондонский глаз» – колесо обозрения в Лондоне высотой 135 м. При солнечной погоде с него открывается вид практически на весь Лондон и его окрестности на расстоянии до 40 км.

по мечтать о том, кого любишь, – мечтать вопреки всему, в том числе и здравому смыслу? И разве не ради любви человек готов пренебречь друзьями и привязанностями, не говоря уже об очаровательном садике с платаном?

Джейми нежно заправил мне за ухо выбившийся из прически локон.

– В таком случае я благодарен космосу, – сказал он, и когда он поцеловал меня, я ответила на поцелуй.

Расстояние между Или и Лондоном сделало наши отношения похожими на ухаживание, но лично меня это волновало и возбуждало. Мне нравилось готовить к приезду Джейми что-то особенное, нравилось изобретать новые способы подарить ему удовольствие в постели, нравилось разговаривать с ним и шутить. С Розы я почти не встречалась, поскольку либо была на работе, либо ездила к Джейми, либо принимала его у себя. Ричарда и Сильвию я в эти месяцы вообще не видела, не говоря уже о Марке и Грейс.

Но однажды, в один из понедельников в конце марта, когда после очередного совместного уик-энда в Или я приводила себя в порядок, чтобы успеть на один из ранних поездов в Лондон (в понедельник мне предстояло идти на работу в клинику), Джейми взял мою руку в свою и поднес к губам.

– Мне не хочется ждать еще две недели, пока ты снова приедешь, – сказала он. – Приезжай в следующие выходные.

Я нахмурилась.

– Но ведь в следующее воскресенье к тебе приедут дочери.

Он кивнул.

– Вот и познакомитесь!

Поскольку час был еще ранний, в спальне царил полумрак, но и в неверном свете мартовского утра я разглядела, как странно блестят его глаза. Похоже, то, о чем говорил Джейми, было для него важно, и я постаралась улыбнуться.

– Хорошо. Я постараюсь.

Невозможно передать, как страшно мне было, когда в следующую субботу я села на поезд в Или. Я знала, что Джейми любит свою работу. Я была почти уверена, что Джейми любит меня, но дочери были для него всем, поэтому было чрезвычайно важно, чтобы фрагменты головоломки, в которую превратились моя и его жизнь, сложились как надо. И вот сегодня мне предстояло войти то ли в святилище, то ли в комнату для допросов. Понравлюсь ли я его девочкам? Понравятся ли они мне? Что они подумают? Что скажут? На всякий случай я купила обеим кое-какие подарки – снежные шары с моделью Тауэра и Букингемского дворца (даже с крошечными гвардейцами в красных мундирах у входа), но все равно на душе у меня было беспокойно. Достаточно ли этого для того, чтобы между нами возникла симпатия? Что я буду делать, если подарки не помогут? Как быть, если с первого же взгляда мы проникнемся друг к другу отвращением? Ведь Джейми так их любит!

С другой стороны, почему бы мне их не полюбить, думала я. Ведь они – дочери Джейми, а Джейми мне нравится. По-

ложу руку на сердце, я не могла сказать, что люблю его, но он мне нравился. Очень.

Когда поезд отошел от вокзала в Кембридже, чтобы преодолеть последний отрезок пути до Или, я отправилась в туалет, чтобы сполоснуть взмокшие от волнения руки, бросить взгляд на свое отражение в зеркале и попытаться задавить в себе странное ощущение, что моя жизнь вот-вот изменится коренным образом и навсегда. И мне это почти удалось. Как бы там ни было, я сумела убедить себя, что лишние переживания пользы не принесут.

Когда мой поезд подошел к станции Или, на перроне я увидела всех троих: Джейми и обеих девочек. Они ждали меня. Джейми держал дочерей за руки. Стоял теплый апрельский день, светило солнышко, и его лучи заливали всех троих ярким светом. Улыбки на их лицах помогли мне воспрянуть духом. Все будет хорошо, подумала я. Нет, даже лучше, чем хорошо. Все будет просто чудесно!

На вокзале Кингс-Кросс я купила билет в головной вагон, поэтому, сойдя с поезда в Или, оказалась довольно далеко от выхода со станции, возле которого стояли Джейми и девочки. На платформе, однако, почти не было пассажиров, и мы поспешили навстречу друг другу. Стараясь поскорее добраться до меня, девочки почти бежали, таща Джейми за собой. Выглядело это так потешно, что я рассмеялась. Право, стоило ли так беспокоиться!

– Привет! Вот и ты! – Джейми наклонился, чтобы поце-

ловать меня в щеку.

– Привет. – Я неожиданно смутилась и опустила голову, чтобы взглянуть на его дочерей. Та, что была помладше (я помнила, что ее зовут Оливия), приплясывала на месте, не выпуская при этом отцовской руки, словно не могла постоять и минутки спокойно. Волосы у нее были такими же, как у Джейми – светло-русыми и сильно вьющимися. Ее старшая сестра, Эмили, тоже улыбалась, но благодаря темным глазам и черным прямым волосам, которые она, вероятно, унаследовала от матери, выглядела более серьезной. В целом обе девочки оказались невероятно красивыми, и я почувствовала, как при взгляде на них у меня начинает посасывать под ложечкой.

– Вот эту егозу зовут Оливия! – представил Джейми дочь, приподняв ее руку.

– Но папа, я вовсе не коза! – возмутилась девочка.

– А это Эмили. Пожалуйста, не думай, будто они плохо воспитаны, весь этот энтузиазм от того, что они очень любят встречать гостей на вокзале. Обычно они ведут себя поспокойнее. К тому же сегодня такой чудесный день, и я хотел сводить их в парк Пейна – там отличная детская игровая зона. Надеюсь, ты не против?

Я была совершенно не против, но это, вероятно, не имело никакого значения: услышав про парк, Оливия заскакала на месте с удвоенной энергией.

– Если в этом вашем парке есть горячий кофе, я только

«за», – сказала я.

– Конечно есть. И пирожные.

– И мороженое! И мороженое! – закричала Оливия.

Джейми рассмеялся.

– Конечно, и мороженое. Но сначала вы все должны будете съесть здоровые и питательные сэндвичи, которые я для вас приготовил. – Он подмигнул мне. – Обещаешь, Бет?

Я тоже засмеялась.

– Обещаю!

Когда мы въехали в парк Пейна, я сразу увидела детскую площадку: различные аттракционы, качели, канатный городок с «лазалкой» в виде паучьей сети и «живой уголок», но девочки не обратили никакого внимания на все это великолепие. Не успел Джейми заплатить за билеты, как обе ринулись к дверям крытого павильона.

– Эй! Подождите! – крикнул им Джейми, но обе уже прыгнули в бассейн с шариками, тут же вылезли из него и направились к надувному батуту в виде диснеевского замка.

– Надо за ними присмотреть, – сказал Джейми извиняющимся тоном. – Я пойду туда, а ты пока возьми нам кофе, хорошо? И пару пакетиков сока для девочек. – Он протянул мне деньги, но я отмахнулась.

– Все в порядке. Я все куплю и присоединюсь к вам.

Когда я вошла в павильон с кофе и соком в руках, то увидела, что Джейми повесил на стульчики курточки Оливии и Эмили, чтобы занять нам один из столиков в «родительской

зоне». Опустившись на маленький стульчик, предназначенный скорее для ребенка, чем для взрослого, я сделала глоток кофе и огляделась по сторонам в поисках Джейми. Его нигде не было, но потом я увидела, что он и Оливия стоят на вершине гигантских горок. Джейми тоже заметил меня и помахал. Я помахала в ответ. Через секунду Джейми и Оливия уже неслись по желобам вниз. Оливия оглушительно визжала от восторга, Джейми, слава богу, молчал, но лицо его выражало не меньший восторг.

Спустя минуту он подошел ко мне.

– Извини, я не собирался спускаться, но Оливия всегда говорит, что ей страшно кататься одной. А Эмили встретила школьную подружку, и я не стал им мешать.

Я не знала, что на это сказать, поэтому просто улыбнулась. Мне еще никогда не приходилось бывать в такой прекрасно оборудованной игровой зоне, поэтому я даже немного растерялась. Тут к нам подбежала Оливия. Схватив отца за рукав, она снова потянула его к горкам.

– Еще, папа! Еще!

Джейми с шутливой покорностью пожал плечами и ухмыльнулся. «Ну что ты будешь делать?» – словно говорил он, пока Оливия тащила его обратно к горкам. К кофе он почти не притронулся. Я допила свой кофе довольно быстро, благо он с самого начала был не слишком горячим, и, откинувшись на спинку неудобного стульчика, стала разглядывать людей за соседними столами. В основном это были супруже-

ские пары или компании матерей, лишь за одним столиком сидела одинокая женщина, рядом с которой спал в автомобильном кресле младенец. Склонившись над какой-то книгой, она время от времени покачивала сиденье ногой. Глядя на женщину, я подумала, что, быть может, это ее единственная возможность спокойно почитать, и с некоторым сожалением вспомнила о книге, которую я купила, чтобы читать в поезде. Сейчас эта книга лежала в моей дорожной сумке в машине Джейми – в полной недоступности. Мне не хотелось быть эгоистичной, но сидеть в одиночестве за низким пластиковым столиком и слушать детские вопли и визг, эхом отдававшиеся от стен павильона, похожего на перестроенный амбар, не входило в мои планы. Сегодняшнее утро представлялось мне несколько иначе, хотя, спроси меня кто-нибудь, чего бы мне хотелось, я, бы, наверное, не нашлась что ответить. Покормить уток? Осмотреть собор? Просто прогуляться вдоль реки? Может быть. Все это, во всяком случае, подразумевало какие-то действия, тогда как сейчас я была вынуждена просто ждать.

Разглядывая разноцветные горки в надежде снова увидеть Джейми, я неожиданно заметила Эмили.

– А где папа? – спросила она, приблизившись ко мне.

– Где-то здесь, – неопределенно ответила я, махнув в сторону горок и лестниц для лазанья. – Хочешь яблочного сока?

Я протянула ей пакет, и Эмили опытной рукой пронзила пластиковой трубочкой фольговую мембрану, не переставая

оглядываться по сторонам в поисках отца.

– Тебе здесь нравится? – спросила я, пытаясь завязать разговор, но Эмили уже мчалась прочь, оставив на столе пустой пакетик из-под сока.

– Извини, что так долго, – сказал Джейми, когда он наконец присоединился ко мне. Глотнув остывшего кофе, он поморщился. – Ты, думаю, не часто бываешь в подобных местах. – Джейми махнул в сторону аттракционов.

– Не часто.

Джейми рассмеялся.

– Значит, совсем не бываешь.

– Мои друзья, у которых есть дети, еще не достигли этой стадии.

– Ты хочешь сказать, что самое интересное у них еще впереди? – проговорил он. – Впрочем, так оно и есть. Откровенно говоря, я даже завидую современным детям. Когда я был маленьким, ничего подобного не было и в помине.

– Чем же ты занимался? Лепил куличики? – поддразнила я, и Джейми засмеялся.

– Ну, в основном мы лазили по деревьям и строили шалаши. Возможно, это даже было более здоровым и познавательным занятием, чем... все это. – Он кивнул в сторону гигантских горок, потом наклонился через стол, чтобы поцеловать меня. – Потерпи еще немного, скоро мы поедем домой.

Я не была уверена, что его представления о том, что такое «скоро», совпадают с моими, но решила попридержать язык.

Вместо этого я сказала:

– Ты не против, если я подожду снаружи? Мне не помешало бы глотнуть немного свежего воздуха.

– Хорошо. Мы будем минут через двадцать.

Выбравшись из павильона, я отправилась в живой уголок. Как и следовало ожидать, гвоздем программы там были карликовые козы черно-белой масти, которые, как и полагается козам, либо устраивали толчею и хаос каждый раз, когда к ним в загон входил кто-то из посетителей с пакетом корма (пакеты можно было купить на входе у служителя), либо пытались удрать сквозь открывшуюся калитку. Здесь я почувствовала себя в своей стихии и с нетерпением ожидала, когда же Оливия и Эмили устанут от горок, чтобы разделить с ними свой энтузиазм.

Когда Джейми с девочками наконец вышли из павильона, я сидела на стуле в специально отгороженном уголке и гладила рыжевато-коричневую морскую свинку. Едва увидев меня, Оливия бросилась вперед.

– Я тоже хочу погладить! Можно мне ее погладить?

– Только осторожнее, смотри, на напугай ее, – сказала я. – Лучше сначала сядь рядом со мной, вот так. А ты, Эмили, садись с другой стороны. Сейчас я передам эту свинку Оливии, а тебе принесу другую. Нет, Оливия, не прижимай ее к себе, а посади на колени. Так ты ее не уронишь.

– Я же говорил вам, что Бет хорошо умеет обращаться со всякими зверушками, – сказал Джейми, когда я принесла

Эмили вторую свинку, но девочки промолчали – обе были буквально околдованы пушистыми смешными зверьками.

Глядя на них, я невольно улыбнулась. Оливия низко склонилась над своей свинкой и начинала хихикать каждый раз, когда та шевелила усами.

– Папа, она хочет меня пощекотать!

Эмили неторопливо и сосредоточенно гладила шелковистую черную шерсть своей свинки.

– Давай заведем таких свинок, папа, – сказала она, и я с беспокойством посмотрела на Джейми. Боже мой! Что я наделала!

Но Джейми только рассмеялся.

– Посмотрим. Может быть, будущей весной... если, разумеется, вы обе будете хорошо себя вести.

* * *

Остаток дня прошел лучше, в отличие от не слишком удачного утра. Мы съели наш диетический набор для пикника, после чего вознаградили себя мороженым. Когда от мороженого остались одни воспоминания, девочки отправились в веревочный городок. Время пролетело незаметно, пора было ехать домой, и мы загрузились в машину. Едва войдя в гостиную, Оливия плюхнулась на диван перед телевизором, Эмили раскрыла какую-то книгу, а я болтала с Джейми, который готовил пиццу и чесночные гренки к чаю.

– А можно мы пойдём на вокзал, когда ты поедешь домой? – спросила меня Оливия, когда мы уже сидели за столом. – Мне нравится бывать на вокзале. Там поезда...

Рот у нее был набит пищей, но я прекрасно поняла каждое слово. Джейми поспешил мне на выручку.

– Прости, милая. Когда Бет поедет домой, ты будешь дома у мамы.

Эмили нахмурилась.

– Но мы вернемся к маме только завтра, – уточнила она.

– Все верно, – подтвердил Джейми. – Бет останется на ночь. Точнее, на две ночи.

Оливия рассмеялась:

– А где она будет спать? У нас нет столько кроватей!

На это Джейми ничего не ответил – только посмотрел на меня и поспешил отвлечь дочь десертом. Я, однако, заметила, что Эмили стала как-то необычно молчалива, да и поглядывала она на меня с явным неодобрением. Должно быть, поэтому для меня не стало большим сюрпризом, когда Оливия, ворвавшись на следующее утро в спальню Джейми и обнаружив меня лежащей рядом с ним, возмущенно завопила:

– Тебе нельзя здесь спать! Это мамина постелька!

Через мгновение она уже мчалась в комнату Эмили, вопя во все горло:

– Бет спит в маминой постельке! Бет спит в маминой постельке!

И хотя в тот день мы делали все, о чем я думала – кормили

уток, ходили в собор и гуляли в саду, – неудачное утро наложило отпечаток на все наши действия и слова. Оливия казалась уставшей и капризничала по малейшему поводу, Эмили же была молчалива и холодна до грубости. Начало получилось ясно не таким, как мы надеялись, и я, улучив момент, шепнула Джейми:

– Эмили меня ненавидит.

Он вздохнул.

– Вовсе нет. Она ненавидит ситуацию, в которой оказалась, – только и всего.

Лишь когда девочки отбыли наконец к матери, я почувствовала некоторое облегчение, но прошедший день оказался таким тяжелым, что и я, и Джейми буквально впали в какое-то тяжелое оцепенение. Весь вечер мы просидели на диване перед телевизором, держась за руки, словно жертвы кораблекрушения. Говорить о том, что произошло за день, никому из нас не хотелось.

Глава 9

Кто знает, если бы Джейми не нужно было работать в следующие выходные, совпавшие с сороковой годовщиной брака Ричарда и Сильвии, мы, возможно, и не отважились бы повторить наш безумный эксперимент под названием «Я-знакомлюсь-с-дочерьми-Джейми». И тогда, быть может, наши дальнейшие отношения сложились бы совершенно иначе. Но Джейми поехал на работу, а я отправилась на годовщину.

Согласно первоначальному плану, Джейми должен был пойти на рубиновую свадьбу Ричарда и Сильвии вместе со мной. На торжество ждали даже Джорджио, который приехал к Розе на выходные из своего Рима. Признаться, я очень рассчитывала на Джейми. Мне хотелось, чтобы обо мне говорили «Бет и Джейми», а не просто «Бет». И мне определенно *не* хотелось снова встретиться с Марком и Грейс без пары. Увы, я так и не смогла изобрести предлог, чтобы не ходить на торжественный ужин, как я, несомненно, поступила бы, будь он посвящен кому-то другому. Но этот ужин был посвящен не кому-то постороннему. Он был посвящен Ричарду и Сильвии – людям, которых я любила больше собственных родителей. Вот почему я надела самое лучшее красное платье (в честь рубиновой свадьбы) и поставила на пол машины купленный в подарок красный пион в горшке, прижав

его сиденьем, чтобы он не опрокинулся.

В дом Сильвии и Ричарда я приехала самой последней. День снова был теплым, погожим, и выбравшись из машины, я сразу услышала, что виновники торжества и гости собрались в саду. Пока я огибала дом, прижимая к себе горшок с цветком и бутылку красного вина, и чувствуя, как от неуверенности у меня все сильнее сосет под ложечкой, легкий ветерок доносил до меня голоса и веселый смех.

В саду я увидела Розы и Джорджио, Марка и Грейс, нескольких друзей и соседей с детьми и, разумеется, счастливую пару – Ричарда и Сильвию.

– Бет, дорогая! Ну наконец-то! – воскликнула Сильвия, бросаясь мне навстречу. – Мы уже заждались!

– Поздравляю с годовщиной! – Я поцеловала Сильвию, стараясь держать пион так, чтобы не сломать.

– Привет, дорогая. – Ричард тоже подошел, чтобы обнять меня за плечи. Я поцеловала его в щеку, а потом вручила обоим свой подарок.

– Сорт «Бирманский рубин», – сказала я. – Надеюсь, в вашем саду найдется для него место. Признаюсь честно, я выбрала его главным образом из-за названия.

– Мы оба очень любим пионы, правда, Сильв? – сказал Ричард, который обрадовался подарку совершенно искренне. Он вообще очень любил все, что растет в саду. – Огромное спасибо, Бет. Идем, я смешаю тебе коктейль. Ты уже знакома с Джорджио?

Джорджио обнимал Розы за талию, однако он выпустил ее, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Привет, *bella*, – сказал он с мягким южным акцентом. – А где твой бойфренд? Его сегодня не будет?

Я обняла Розы.

– К сожалению, сегодня ему пришлось поехать на работу, но он просил передавать вам всем наилучшие пожелания.

– Чем это таким важным он занят? – спросила Розы.

– Как раз сегодня Джейми необходимо проследить за установкой винтовой лестницы в доме, который он перестраивает.

– Уж лучше он, чем я, – вставил Марк, для которого непосильной задачей было повесить на стену книжную полку, не говоря уже о том, чтобы сделать эту полку из дерева. Ричард в свое время долго пытался научить его хотя бы основам ручного труда, но не особенно преуспел. Когда Марк наклонился, чтобы поцеловать меня, я почувствовала исходящий от него мягкий, с острой ноткой, аромат дорогого одеколona.

Грейс расцеловала меня в обе щеки:

– Привет, Бет.

– Привет, Грейс. Как поживаешь?

Как и я, Грейс надела сегодня красное. Недаром говорится: великие люди думают одинаково.

– Спасибо, хорошо. Судя по тому, что рассказывал мне Джейми, его последний проект пользуется успехом. Ты не ездила посмотреть этот его новый дом? Это настоящее чудо!

Я кивнула.

– Да, пару недель назад он возил меня на площадку, – сказала я небрежно, хотя, по правде сказать, я помнила не столько дом, сколько сад – безнадежно заросший, но большой, полный цветов и птичьего пения. Часть сада Джейми уже расчистил и засыпал гравием, превратив этот участок в дополнительную площадку для парковки. Это было, разумеется, практично, и все же мне было немного грустно думать о том, сколько деревьев и кустов пришлось при этом вырубить.

– Все в порядке? – заботливо поинтересовалась Роза, когда мы остались наедине. – Ты не сердись на Джейми за то, что он не приехал?

– Конечно нет. Просто сегодня единственный день, когда мастер по установке лестниц смог работать у него. Если бы не это, Джейми бы обязательно приехал.

Мой ответ прозвучал достаточно естественно, но на самом деле я немного покривила душой. Нет, я не сердилась на Джейми за то, что сегодня его не было рядом. Я просто была немного разочарована. Огорчена. Из-за того что он был занят, я снова оказалась одна в доме Ричарда и Сильвии – в месте, которое уже давно превратилось в сцену, где на протяжении многих лет разыгрывалась пьеса о моей безнадежной и безответной любви к брату лучшей подруги. Если бы Джейми был сейчас со мной, мне было бы легче, но увы...

Нацепив на лицо беззаботную улыбку, я взяла Роза за руку.

– Нет, я правда в порядке. И вообще все хорошо. Твоим родителям здорово повезло с погодой. Какой прекрасный сегодня вечер!

Рози смерила меня таким взглядом, словно перед ней вдруг оказалась древняя полубезумная старуха, которой вздумалось поболтать о погоде, но, к счастью, ничего не сказала. Вместо этого она подвела меня к Джорджио, который оказался человеком на редкость общительным и компанейским. Ему без особого труда удалось меня развеселить, и вскоре я уже от души смеялась его шуткам, искренне надеюсь, что моя подруга знает, как крупно ей повезло подцепить такого обаятельного парня.

Немного погодя я снова оказалась рядом с Грейс.

– Как поживают твои родственники? – спросила я в надежде наладить хотя бы какое-то подобие нормального общения.

– Неплохо, спасибо, – ответила она, слегка пожимая плечами. – Моя сестра ждет третьего ребенка. Папа и мама, разумеется, вне себя от счастья.

Действительно ли в ее голосе прозвучали горькие нотки или мне это просто почудилось? Я внимательно посмотрела на Грейс, но ее лицо не выдавало никаких чувств, и я продолжала:

– Это хорошие новости. Просто отличные! А как поживает твоя бабушка? Она здорова?

На этот раз лицо Грейс изменилось. Она, впрочем, сразу

отвернулась и стала пристально рассматривать ближайшую цветочную клумбу.

– Бабушке пришлось переехать в дом престарелых, – ответила она, стараясь говорить небрежно, словно речь шла о чем-то незначительном. – Ей уже довольно много лет, и... В общем, самые простые вещи ей теперь не под силу.

Я вспомнила свадьбу, вспомнила, как бабушка Грейс улыбалась, когда с ней разговаривал Марк, и мне стало жаль старую леди. Конечно, я не знала ее близко, но мне она показалась очень приятным человеком.

– Прискорбно это слышать.

Когда Грейс снова взглянула на меня, на ее лицо вернулось нейтральное выражение.

– Мама выбрала для бабушки лучший дом престарелых, какой только могла найти. Он больше похож на гостиницу, чем на медицинское учреждение. Я часто там бываю.

Я разочарованно кивнула. Мне было очень неприятно наткнуться на стену, которой Грейс себя окружила. Она проделывала это уже не в первый раз, и мне оставалось только гадать, как на самом деле она относится к тому, что ее бабушку поместили в дом престарелых. Я полагала, что ни один нормальный человек не станет радоваться подобному. Манера, в которой Грейс пыталась разговаривать со мной, была явно направлена на то, чтобы отбить у меня охоту продолжать расспросы.

– Ну что ж... – пролепетала я. – Если ей там хорошо...

– Ей там лучше, чем дома, – отрезала Грейс. – Она очень расстраивалась, что не может сама себя обслуживать. Как сказала мама, в «Кенвуд-плейс» ее, по крайней мере, вкусно накормят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.